91 К
Б 33

Р. С. Ф. С. Р. ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ.

Главная Военно-Морская Научная Редакция.

По Гидрографическому Управлению.

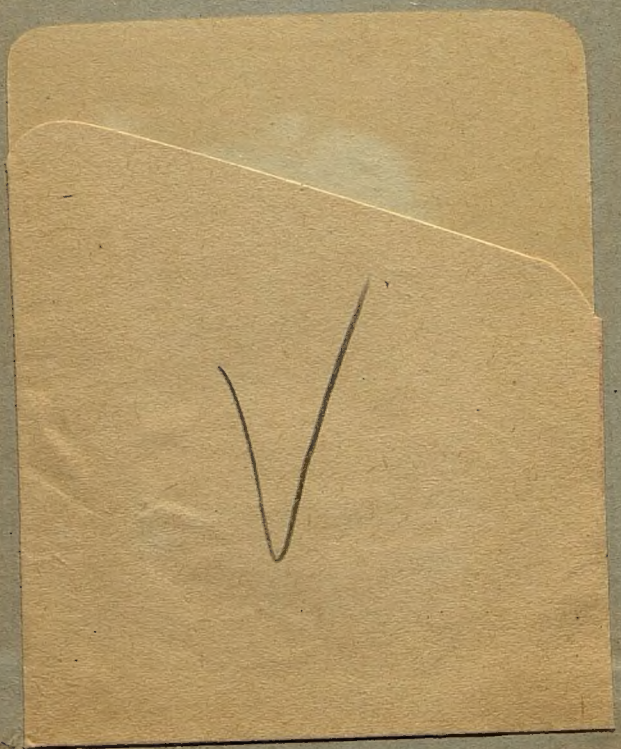
ПЕРВЫЕ РУССКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ НОВОЙ ЗЕМЛИ.

СОСТАВИЛ
П. И. БАШМАКОВ

в память истечения ста лет со дня гидрографических работ П. К. Пахтусова.

Приложение к „Запискам по Гидрографии“, вып. XLV, 1922 г.

ПЕТРОГРАД.
1922.



№ 83

Правовой Отдел Главн. Штаба Военно-Морск. Сил СССР

ПРОВЕРЕНО 54 г.

ПРОВЕРЕНО 61 г.

ПРОВЕРЕНО 1980 г.

Проверено | 2015

Р. С. Ф. С. Р. ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ.

Главная Военно-Морская Научная Редакция.

По Гидрографическому Управлению.

Библиотека
К. И. Самойлова.
№ 178

Инв. № 492
Библиотека
Оперативного Управления
ГШ ВМС

13649

ПЕРВЫЕ РУССКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ НОВОЙ ЗЕМЛИ.

СОСТАВИЛ
П. И. БАШМАКОВ

в память истечения ста лет со дня гидрографических работ П. К. Пахтусова.

Приложение к „Запискам по Гидрографии“, вып. XLV, 1922 г.

ФИЛИАЛ Центральной ВМБ

БИБЛИОТЕКА
Г. Ш ВМ СССР

ПРОВЕРЕНО

ПЕТРОГРАД.
1922.

Разрешение Петроградского Отдела Печати № 916.

Р. Ц. № 1369. г. Петроград. 1000 экз. 10-я Гос. тип.

Краткая биография П. К. Пахтусова.

Петр Кузьмич Пахтусов родился в 1800 году в Кронштадте. Отец его был отставной шкипер 13-го класса, родом из Сольвычегодска, Вологодской губернии, куда, по выходе в отставку, он вернулся на жительство. Там Петр Кузьмич провел свое детство. После смерти отца, мать Пахтусова с сыном, которому исполнилось 8 лет, перебралась на жительство в Архангельск, где мальчика приняли в Военно-сиротское отделение (впоследствии батальон военных контонистов), где учась прилежно, он оказывал в ученье большие успехи, несмотря на то, что много времени у него уходило на помощь матери, в ее заботах и трудах по содержанию семьи. Недостаточность средств поставила его в необходимость собирать в адмиралтействе щепу, которую отдавал иногда писарям и получал от них в обмен на нее бумагу, чернила и прочее, в чем нуждался для ученья. Еще мальчиком, по летам своим, он был чрезвычайно смел и силен. Имея собственную небольшую лодку, он часто ездил на ней один на охоту и рыбную ловлю на взморье, верст за 50 от Архангельска. Эти поездки рано приучили его к морю и развили в нем физическую силу, выработав характер смелый и решительный. Он был отличный стрелок и превосходный пловец.

Между тем ученье его шло так успешно, что он обратил на себя внимание начальства, которое, видя способности мальчика, перевело его в 1816 г. в Кронштадт в Штурманское училище. Переезд туда из Архангельска он сделал морем на одном из построенных в Архангельске военных кораблей. Это было его первое морское плавание. После он плавал уже ежегодно, при чем в одно из плаваний осенью, при возвращении в Россию из Испании, купеческий транспорт «Кармин» он потерпел крушение у мыса Скагена, на Ютландском берегу Дании. После крушения транспорта все спасшиеся, в том числе и Пахтусов, были перевезены в Копенгаген, где провели зиму, и только летом 1819 г. возвратились в Кронштадт.

В 1820 году, по окончании курса, Пахтусов был выпущен из училища штурманским помощником унтер-офицерского звания и назначен на службу в Архангельск, куда переезд из Кронштадта в том-же году сделал морем.

Как подчиненные, так и все лично знавшие его, одинаково питали к нему и любовь и уважение одновременно.

15-летние труды Пахтусова были действительной службой, в полном значении этого слова. До конца своей жизни он участвовал в трудных морских описях в Белом море и Ледовитом океане, являя для всех пример неутомимой деятельности, трудолюбия и отваги. Он был необыкновенно добр, решителен, смел и иногда горяч, но всегда соединял это с благоразумием. В стремлении к назначенной цели он был настойчив и тверд, и в этом отношении некоторые не без основания сравнивали его с великим английским мореплавателем, капитаном Куком. Обладая большою физическою силою, он был одарен природою в такой-же степени и силою нравственной, а приемы обращения его с товарищами-сослуживцами или подчиненными и с встречаемыми им людьми вообще, при глубоко сознаваемом чувстве собственного достоинства, гармонировали с его представительной наружностью. Если на работах он был неутомимо энергичен, добросовестен и смел, то и в свободное от трудов время, в кругу знакомых, был уравновешенно весел, приятно-любезен и интересный умный собеседник.

С начала службы своей Пахтусов принимал участие в морских описях в Белом море и Ледовитом океане и в текущем году исполняется 100-летие с начала его гидрографической деятельности. В 1821 г. состоя помощником штурмана 12 класса Иванова, Пахтусов начал, работы по описи реки Печоры и берега к востоку от нее, до острова Вайгача. При более коротком знакомстве за время экспедиций для этой описи, бывших в 1821—22 и 1824 г. г., с суровою природою края, бесстрашным характером и предприимчивостью его обитателей, преимущественно промышленников, в нем зародилась мысль и желание проникнуть и описать неприступный дотоле восточный берег Новой Земли. Мысль эта окончательно утвердилась в нем, за время вторичного его пребывания на крайнем севере в 1826 году, когда он, находясь под командою штурмана Бережных, участвовал в описи острова Колгуева и берега Ледовитого океана к западу от р. Печоры до Белого моря.

С 1827 года Пахтусов, при образовании корпуса флотских штурманов переименованный в кондукторы, занимался, под началь-

ством известного нашего гидрографа Рейнеке, описью и промером Белого моря, участвуя в этой экспедиции во все время ее действия, кроме последнего 1832 года. В 1828 году Пахтусов был произведен в прапорщики, а в 1829 году подал в Гидрографический Департамент проэкт об исследовании восточного берега Новой Земли, принятый последним, как наиболее удобоисполнимый, но осуществление его замедлилось.

В 1831 году Пахтусов, произведенный в подпоручики, познакомился с жившим в Архангельске советником северного округа корабельных лесов Клоковым, трудившимся над проэктом возобновления торгового морского пути из Архангельска в реку Енисей, и, получив от него приглашение быть Начальником снаряжаемой экспедиции, принял его с живейшим удовольствием, радуясь представившейся возможности осуществить свою давнишнюю мечту. В дневнике, веденном Пахтусовым в эту первую экспедицию в 1832—1833 годах, при описи восточного Новоземельского берега, перед которым он поставил эпиграф: «Я расскажу, как было, а Вы судите, как угодно»,—он рассказывает о приглашении его в экспедицию в следующих словах:

«В исходе апреля 1832 года, по приглашению коммерции Советника Бранта и ученого Лесничого Клокова, поступил я, с дозволения начальства, на службу кампании, составленной ими для открытия пути к реке Енисею и описи восточного берега Новой Земли. Исполнение таким образом давнего моего желания привело меня в восторг. Заботы и физические труды, неизбежные в сборах в такую дальнюю дорогу, казались для меня легки. Я чувствовал себя здоровее и веселее, чем когда либо».

Если поставленный Пахтусовым в начале его дневника эпиграф выказывает полную готовность к добросовестному выполнению принятой им на себя обязанности, то выписанные из дневника последующие слова с такой убедительностью говорят, что, при поступлении в экспедицию им руководило не желание каких-либо выгод, а единственно любовь к делу и желание принести пользу родине и науке землеведения.

В каких условиях жил и работал Петр Кузьмич во время экспедиций его на Новую Землю, мы увидим из приложенного очерка. Работа, выполненная им, может быть названа действительно громадной, а принимая во внимание ничтожность средств, какие были в его распоряжении, и добросовестность, с какою вся она выполнена, неутомимая деятельность этого отважного и

искусного моряка-гидрографа может назваться поистине изумительной.

Работа, выполненная Пахтусовым, может сделать честь даже гидрографу и нашего времени, вооруженному для борьбы с суровою природою севера всевозможными орудиями современной техники, более обширными и точными научными познаниями и опытом многочисленных прежних полярных исследователей.

Но непомерные труды и лишения, перенесенные им в течение экспедиций, расстроили крепкое здоровье Пахтусова. Простудная лихорадка, полученная им во время гибели во льдах карбаса во вторую экспедицию 1834—1835 г. г., вскоре-же, по возвращении его с Новой Земли в Архангельск, усилилась, а затем перешла в нервную горячку, и Петр Кузьмич слег,—опасно заболев. Это было в последних числах Октября 1835 г. Все близко знавшие его и просто слыхавшие о нем искренне желали его выздоровления, а Главный Командир Архангельского порта Адмирал Галл почти ежедневно навещал его, интересуясь ходом болезни и заботясь о возможно лучшем уходе за больным. Но, несмотря на особенное внимание и заботы врачей, болезнь докончила свое злое дело,—больной не вынес ее, и в 6 часов вечера 7-го Ноября славный и незабвенный Петр Кузьмич Пахтусов окончил свою трудовую жизнь, еще молодым, полным сил и энергии.

С заслуженными ценою жизни почестями он был похоронен 10 Ноября на Соломбальском кладбище, в 15 шагах на юго-восток от алтаря церкви. В настоящее время могилу его украшает скромный памятник, поставленный уже впоследствии, в 1878 году, почитателями его трудов и подвигов. В лицевую сторону гранитного камня, обделанного в форму скалы, вделана белого камня плита с рисунком лодки под парусами. Под рисунком высечена надпись: «Корпуса Штурманов Подпоручик и кавалер Петр Кузьмич Пахтусов. Умер в 1835 году, Ноября 7 дня. От роду 36 лет. От понесенных в походах трудов и д . . . . . о . . . . . .»

Жизнь Петра Кузьмича была недолга, всего 35 лет, а службы только 15, но трудов его, хотя и не видных и не громких, но полезных, много. Скромная, но плодотворная жизнь его может служить примерным образцом для каждого моряка-гидрографа, истинно любящего свое тяжелое дело, всегда исполняемое в стороне от посторонних зрителей, и желающего пользы родной стране и отечественному мореплаванию.

В воздаяние трудов Пахтусова, в 1866 году 19 Октября в Кронштадте, против здания Технического училища, был открыт памятник, состоящий из пьедестала серого гранита, высотою 4 арш. 10 верш., на котором поставлена бронзовая статуя в 3 аршина, изображающая Пахтусова в мундире, сверх которого накинута шинель, спускающаяся с правого плеча и оставляющая свободною правую руку, в которой Пахтусов держит карту Новой Земли. В верхней части пьедестала, спереди, надпись:

«П. К. Пахтусову, исследователю Новой Земли. 1832—35 г.»

На боковых сторонах пьедестала имеются бронзовые барельефы из флагов, якорей и мореходных инструментов. На правом барельефе под военным флагом надпись «Польза», на левом под коммерческим «Отвага», на задней стороне герб Кронштадта и под ним надпись «Труд».

Но, скажем мы, вечный памятник Пахтусову—Новая Земля и благодарность и уважение в памяти потомства.—

Первые русские исследователи Новой Земли.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Русская литература не особенно богата описаниями жизни и деятельности соотечественников, исследователей нашей обширной родины, еще более бедна она, по отношению к русским морякам, трудившимся по исследованию морей вообще и Ледовитого океана и Белого моря в частности.

Можно смело поручиться, что не только лицам, не имеющим никакого отношения к морю, но даже и многим, близко стоящим к делу гидрографии родных морей,—очень мало, или почти совсем ничего неизвестно, о работах на севере русских моряков, заслуживших своими трудами полное уважение не только земляков, но и иностранцев.

Благодаря этому неведению, были даже случаи, когда заслуги в прошлом наших моряков не только отрицались, а даже более того, приписывались современниками себе.

Между тем, все, кому дорога память отважных исследователей русского севера, все, кому дорога честь русских моряков, на протяжении более чем двух столетий, беспрерывно трудившихся по съемке побережья Северного Ледовитого океана,—от Нордкапа на западе до Берингова пролива на востоке, и по открытию, так называемого «Северо-Восточного прохода»,—должны знать о своих соотечественниках, положивших столько труда, а во многих случаях даже и жизнь, во имя знания, славы и блага родной страны—должны знать, что лишь благодаря многочисленным и величественным усилиям и трудам исключительно русских моряков, северное побережье Азии и прилегающие к нему огромные пространства материка и океана,—стали известны миру.

И тем более высоко должны они стоять в нашей памяти, что экспедиции их снаряжались не ради торговых целей, как это имело место на западе, где почти всеми подобными предприятиями преследовались лишь исключительно торговые интересы

(по крайней мере до конца первой половины XVII столетия),— а снаряжались с чисто-научной, или же с политико-научной целью.

Честь почина отправки таких экспедиций принадлежит русским,—и русские военные моряки, по праву должны занять первое место среди представителей этих экспедиций. Но многим ли известны имена этих русских моряков-гидрографов?

Многим ли известны имена исследователей Новой Земли— Штурманов Розмыслова, Поспелова, Пахтусова, Цивольки и лейтенанта Литке? Знает ли кто имена простых русских людей Архангельского кормщика Юшкова и олончанина Савву Лошкина, в середине XVIII столетия стремившихся туда же? Известно ли кому, что этот Савва Лошкин первый доказал, что Новая Земля— остров, обогнув ее на севере с восточной стороны, пробыв в плавании пять лет.

Кто знает первых исследователей крайнего севера Азии— лейтенантов Малыгина, Скуратова и Овцына, штурманов Минина, Стерлинова и Челюскина, лейтенантов братьев Лаптевых, Прончищева, Ласиниуса, Врангеля, Анжу и многих других?

Кто знает, как они безвыходно проводили в суровой тундре целые годы,—летом мучимые тучами мошек и комаров, а зимою невыносимо страдая от ледяного холода, глубоких снегов полярной вьюги и неизбежной страшной цынги? Известно ли кому, как эти люди и бывшая с ними их меньшая братия, в холод и вьюгу должны были совершать громадные переходы по тундре и полные риска и смелой отваги плавания по океану, в борьбе со льдами, на утлых беспалубных судах,—разных кочах, всевозможных ладьях и дубэль-шлюпках? Многим ли известно, как они, страдая от цынги, холода и голода, умирали в тундре и на берегу океана, иногда десятками, как, например, лейтенант Ласиниус и с ним почти 35 человек команды? Знает ли кто о смерти в тундре же лейтенанта Прончищева и его молодой жены, не захотевшей расстаться с мужем на несколько лет и разделявшей с ним все труды и опасности экспедиции.

И несмотря на то, что в невероятно суровых и трудных условиях, с ничтожными, большей частью, средствами, была выполнена грандиозная работа, потребовавшая от исполнителей колоссальной энергии и такого же напряжения сил нравственных и физических,—почти все они—эти безкорыстные и скромные труженики моря были очень мало замечены и оценены—тогда современниками, а теперь—потомством.

Об этих людях, которые могут быть гордостью любой страны— мало кому известно даже из среды моряков, в частности северян, не говоря уже о широкой публике.

Я, конечно, не смею и не могу взять на себя лестной задачи, восстановления в потомстве благодарной памяти о них и их деятельности.

Однако, слабую попытку частичного решения этой задачи я решаюсь сделать, для чего постараюсь изложить в кратком историческом очерке деятельность первых русских исследователей Новой Земли.

Моя попытка, полагаю, тем более современна, что в прошлом году, как раз исполнилось сто лет со дня начала службы Пахтусова в Архангельске, в 1921 г. исполняется такой же юбилей первому плаванию к Новой Земле—Литке.

Само собою понятно, что предлагаемый очерк может быть только популярным и, конечно, далеко не представит полной картины деятельности этих исследователей крайнего русского севера. Но если мой, более чем скромный, труд возбудит у читателя интерес к истории русской гидрографии и ее деятелям,—то цель свою я считаю вполне достигнутою.

5-го февраля 1921 г.

Привожу перечень тех источников, которыми я пользовался преимущественно при составлении настоящего очерка:

Четырехкратное путешествие в С. Л. О. брига «Новая Земля»—Литке; Краткий исторический очерк гидрографии русских морей, часть I—Гидр. Упр.; Новая Земля—Свенске; Морской Сборник 1873 г. № 1; Путешествие в северные страны—де-Ламартиньера—перевод с объяснен. и примечан. В. Семенковича; отчеты о работах научно-промысловой экспедиции у берегов Мурмана—Л. Брейтфус; Лоция Мурманского берега—Н. Морозов. В области вечного льда—Гельвальд. История Госуд. Росс.—Карамзин. История России с древн. вр.—Соловьев. Материалы по изучен. Новой Земли—под редакцией Сосновского; Дела Арх. бывшего Арх. Военн. порта. Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. Записки Гидрографического Департамента.

Краткий Географический очерк Новой Земли.

В Северном Ледовитом океане к северу от берега между заливами Печорским и Обским находится несколько островов.

Самым большим из них является Новая Земля, разделенная узким проливом на две части — большую северную и меньшую южную. Самая северная оконечность Новой Земли—Мыс Желания—лежит под 77° широты и $68^1/_2$° восточной долготы, а самая южная находится под широтою 70°32′ и долготою 57°21′. Необходимо заметить при этом, что географическое положение северной оконечности Новой Земли окончательно еще не установлено.

Так как большая часть островов, окружающих Новую Землю, должны рассматриваться как ее нераздельные части, то Кусов Нос, южная оконечность Кусовой Земли, вместе с тем является южной оконечностью Новой Земли.

Длина острова занимает приближенно около 1000 верст, при наибольшей ширине около 130 верст в своей северной части, при общей длине береговой черты около 4.000 верст.

Поверхность Новой Земли занимает около 80.000 квадратн. верст, из которых 44.000 падает на северную часть, на южную около 36,000 и небольшая доля на близ лежащие острова.

Новая Земля, выражаясь фигурально, имеет форму полумесяца, выпуклой своею частью обращенного к западу, а остров Вайгач, лежащий у оконечности ее, еще более довершает это сходство.

Со всех сторон Новая Земля омывается Ледовитым Океаном, или, вернее, теми частями его, которые известны под различными названиями. Восточный берег его омывается Карским морем, а западный Баренцевым. На юге Новая Земля отделяется от материка двумя узкими проливами Карскими или Железными воротами и Югорским Шаром, между которыми находится остров Вайгач, являясь как бы соединительным звеном между материком и Новою Землею.

Море, глубоко врезываясь в берега Новой Земли, особенно по западному берегу ее, образует множество бухт, удобных для

стоянки судов, и далеко выдающихся в море мысов, а в одном месте оно даже разделяет ее, как было замечено выше, на две части, соединяя Карское море с Баренцевым узким проливом Маточкиным Шаром, около 100 верст длиною и около 7 верст шириною. На древних картах Новой Земли, кроме Маточкина Шара, показывался еще такой же другой пролив, к северу от Шара, на месте нынешней Крестовой губы.

Имеющиеся реки на Новой Земле не судоходны и лишь только в устья их могут входить небольшие промысловые суда.

Берега Новой Земли богаты лесом, выброшенным морем, и главным образом северо-восточная часть острова, где можно встретить лес любой сибирской породы. Он в большом количестве выносится в Карское море и Ледовитый океан сибирскими реками, а потом уже морским течением сюда.

Первозданные скалы составляют Новую Землю. Происхождение ее относится наукою к отдаленнейшему от нас времени, к так называемым эпохам силлурийской и девонской. В ледниковый период Новая Земля была покрыта ледниками, а потом, постепенно опускаясь, была покрыта морем, на что указывают обнаруженные на восточном и западном берегах южного острова, обширные морские террасы, а также находки на высоте 50 метров над уровнем моря молюсков, живущих ныне в прибрежных морских водах острова. Затем, в каменноугольный период начался обратный процесс, процесс подъема, продолжающийся и в настоящее время, причем с подъемом начали наростать на ней и ледники.

Одно время было много споров ученых специалистов относительно геологической связи Новой Земли с прилегающим материком, и лишь не так давно было окончательно установлено, что южный остров является продолжением горного хребта Пай-Хоя, а не Уральскаго, как считали раньше и только северный имеет сходство с последним.

Берега Новой Земли скалисты и круто обрываются в море, особенно весь восточный берег и преимущественно берега северного острова.

Поверхность ее, изборожденная горными кряжами, постепенно повышается от южной оконечности к северной. Горы северного острова, покрытые глетчерным льдом, достигают высоты до 4.000 фут., а на южном не превосходят 2.000 и почти не имеют глетчеров, за исключением самых высоких вершин около Маточкина Шара, но и здесь ледники не доходят до берега,

а имеют своим средоточием внутреннюю часть острова. Северный же во внутренней своей части почти сплошь покрыт материковым льдом и имеет в этом отношении большое сходство с Гренландией. В этой части Новой Земли материковый лед во многих местах опускается по ложбинам между гор к океану, в виде громадных глетчеров, образуя у моря отвесные ледяные стены, особенно на восточном берегу, к югу от мыса Миддендорфа.

Самый южный из глетчеров, опускающийся к морю на западном берегу, находится в Крестовой губе, но более мощные из них начинаются к северу от мыса Нассау, и от него почти беспрерывно следуют на всем протяжении берега к северу до мыса Б. Ледяного. Северо-восточный берег, от мыса Б. Ледяного до мыса Миддендорфа, не имеет ледников, спускающихся к морю, что объясняется крутою покатостью горного хребта, подходящего здесь к океану. Затем снова начинаясь у мыса Миддендорфа, они беспрерывно продолжаются до мыса Эдварда. Но вообще берега Новой Земли еще очень мало исследованы, в особенности восточный берег северной ее половины, и еще менее внутренняя часть обоих островов.

Растительный мир Новой Земли развит очень слабо, и до настоящего времени пока насчитано лишь около 160 видов его. Главную роль здесь играют листовидные лишаи и мхи, но и то роль сравнительно незначительную. Растительность встречается большею частью в низменностях и на южных склонах гор, и то убогая, и лишь цветы, почти не имеющие аромата, выделяются своею яркою окраской. Из древесных пород растет лишь карликовая береза и одиннадцать разновидностей ивы, ввиде низко стелющихся по земле кустарников. Из ягод имеются морошка и голубика. В центральной части южного острова тундра изобилует торфом, покрытым ягелем, и здесь главным образом пасутся олени.

Все сказанное относительно растительного мира Новой Земли относится к южному острову, северный же имеет растительность лишь в южной своей части и еще более скудную, чем описанная.

Общее впечатление убожества растительного царства Новой Земли, особенно при полнейшей тишине и в ясные дни, на фоне окружающих диких скал, академиком Бером выражено в следующих словах: Я не мог подавить в себе мысли, невольно мне представившейся, будто теперь только что настает утро мироздания, и вся жизнь еще впереди».

Число видов животного мира Новой Земли еще беднее, чем в мире растительном.

Из наземных проживают белые медведи, олени, обитающие большими стадами на южном острове, песцы, два вида леммингов и в небольшом количестве лисица, главным образом на южном острове, а из морских—морж, тюлень, морской заяц, белуга акула, и из рыб,—в море пинагорь, а в реках гольцы и омули, при чем последние почти только на восточном берегу. Гольцы напоминают собою породу семги и почти не имеют чешуи, почему и называются гольцами, т.-е. они как-бы голые.

Мир пернатых богат своими представителями, особенно в летнее время, когда на Новую Землю налетает масса всевозможной дичи, как например: гуси, гаги, лебеди, чайки, гагарки, чирки, кривки и другие, живут здесь также пупочки, альпийский жаворонок, сокол и полярная сова.

Большими скопищами пернатых гостей внутри острова служат озера и болота, где главным образом выводятся птенцы, а на берегах отвесные скалы, или так называемые «нахты». На них бывает иногда так шумно, стоит такой невообразимый гвалт, особенно если птиц здесь потревожат,—что эти сборища их метко прозваны нашими поморами «базарами». В течение десятков и сотен лет на них образовались большие пласты птичьего гуано, как известно являющегося лучшим удобрением для полей. Особенно много налетает на Новую Землю гусей, дающих бывающим здесь промышленникам и всегда проживающим самоедам хорошую пищу.

Насекомые на Новой Земле почти отсутствуют,—их известно всего лишь несколько видов. Чаще всего встречаются комары и мухи, но они, как говорит академик Бер, «так смирны и вялы, что их нужно почти искать, чтобы заметить их».

Что касается ископаемых богатств Новой Земли, то о них очень мало что известно. В этом отношении исследование Новой Земли еще только начинается.

Из горючих ископаемых,—каменный уголь, так называемый лигнит (разновидность бурого угля) был находим во многих местах,—на холмах, в долинах, на берегах, но чаще всего в руслах ручьев. Хотя это и служит доказательством, что он местнаго происхождения, но выяснить месторождение его не удавалось долгое время, и лишь в 1909 году оно было найдено и в одном пока лишь месте в Крестовой губе, ввиде тонких пла-

стов, не толще одного сантиметра. Из этого видно, что разработка его в данном месте не может иметь практического значения. Известный исследователь Новой Земли В. А. Русанов, погибший бесследно во льдах океана в одну из своих экспедиций, считает, что лигнит образовался здесь из массы плавника и водорослей, приносимых сюда течениями и выбрасываемых морем. Он не мог здесь образоваться, как в других местах земного шара, из погибшей богатой тропической растительности, т. к. условия для произрастания лесов на Новой Земле, современные найденному лигниту, были в такой же степени неблагоприятными, как и теперь.

Кроме Крестовой Губы, уголь встречали на полуострове Адмиралтейства, к югу от Маточкина Шара, на западном берегу на Гусиной земле, у мыса Козлакова, на реке Абросимова и на восточном берегу в заливе Канкрина, Чекина и Незнаемом.

Железной руды, разработка которой имела бы практическое значение, пока не найдено.

Из числа глин, пропитанных железом, обнаружена, в большом количестве и хорошего качества, красная охра, иначе мумия. Слои ее на большом протяжении выступают на поверхность земли в очень удобных для разработки местах, в заливе Тюленьем в Маточкином Шаре, и здесь-же около безымянной речки, против Белужьей губы, на южном берегу пролива.

Вместе с железной рудой встречались кристаллы и медного колчедана, но пока в значительном количестве и с хорошим процентом содержания медная руда найдена лишь в губе Пропащей.

Что касается золота, серебра и других драгоценных металлов, то в настоящее время их пока еще нигде не открыто, но очень вероятно, что они имеются, и особенно серебро, являющееся обычным спутником свинца, руда котораго на Новой Земле обнаружена. Есть основания предполагать, что возможно нахождение и платины.

Из строительных материалов имеется серый мрамор, прорезываемый пластами дорогого белого, при чем как тот, так и другой хорошего качества и очень красивы. Во многих местах, как например в Крестовой Губе, он обрывается в океан отвесными скалами.

Но более всего распространен на Новой Земле шифер, или аспид, встречающийся здесь повсюду.

Климат Новой Земли хотя и суров, но считаясь с ее географическим положением, можно назвать, сравнительно умеренным. Так, например, полярная часть Америки и Гренландии, лежащие под той же широтой, что и Новая Земля, имеют значительно более суровые зимы.

Это явление объясняется действием одной из ветвей теплого течения Гольфстрем, вливающегося в Баренцово море между мысом Нордкап и островом Медвежий четырьмя ветвями, расположенными веерообразно. Из них северные II, III и IV ветви около меридиана 39° скрываются под водою, уходя на глубину. Первая же, южная, с более высокой температурой, чем предыдущие, и имеющая наиболее важное значение для нас, известная под названием Мурманского течения, идет от Нордкапа на восток—юго-восток, почти паралельно Мурманскому берегу, в расстоянии, не превышающем 100 миль, и несколько приближаясь к последнему при продолжительных северных ветрах. Приблизительно около 38° долготы эта ветвь, встречая на своем пути повышенное дно океана, к северо-западу от острова Колгуева разделяется на две части: южная, под именем Канинскаго течения, в своем направлении на юго-восток вскоре же уходит на глубину, а северная, устремляясь на северо-восток, около меридиана 44° вновь встречая повышенное дно океана, к западу от Гусиной земли, разделяется еще на две ветви,—южная меньшая следует по глубокому жолобу между названными мелями, под названием Колгуевско-Новоземельского течения, к Карским воротам и около 49° долготы также уходит под слои холодной воды. Северная-же, двигаясь сначала по направлению к Малым Кармакулам, в широте 72° и долготе 48°, поворачивает на север и около параллели 73° также скрывается под холодною водою, двигаясь далее уже как подводное течение и достигая широты 77°.

Параллельно этой ветки, между ею и западным берегом Новой Земли, движется, с юга на север холодное течение при толщине слоя до 60 саж. Оно впервые было обнаружено лейтенантом Литке.

Ширина Мурманского течения на пути от Нордкапа до меридиана 38° колеблется от 60 до 100 миль, при толщине слоя от 15 до 30 сажен, а ветвь его, идущая к Новой Земле, имеет толщину слоя не более 5 саж.

Цвет воды теплого течения, вливающегося в Баренцовое море, отличается от местных вод океана красивым аквамариновым цветом.

Библиотека Центральной ЕИМЭ

Само собою понятно, что действие теплого течения значительно слабее у Новой Земли, чем у Мурманского берега, где заливы, как известно, не замерзают.

Но, если, с одной стороны, справедливо то, что зимний холод Новой Земли умеряется влиянием теплого течения, то за то, с другой, лето здесь менее теплое, чем в каком-либо ином краю под тою-же широтою, т. к. Новая Земля местность морская, а не континентальная. Этим-же явлением объясняется и скудость растительности на Новой Земле.

Лето здесь короткое и холодное; теплая погода редко бывает более нескольких дней сряду,—более преобладают дожди и туманы.

Продолжительная зима страшна сильнейшими вьюгами и глубокими снегами, которые наметаются ветром в громадные сугробы, иногда до 15 арш. высотою. Но самое неприятное явление на Новой Земле—это долгая полярная ночь, скрашиваемая лишь величественными северными сияниями, или на языке поморов «сполохами», и особенно ярким светом луны. Иногда тот и другой бывают настолько сильны, что при них свободно можно читать и даже фотографировать.

13649

Северные сияния особенно часто случаются при штилях или слабых восточных ветрах и, обнимая собою, иной раз, половину неба, достигая зенита,—долго горят, переливаясь всеми цветами радуги.

4452

Самый холодный месяц на Новой Земле—февраль и самый теплый—август. Так для Маточкина Шара средняя температура февраля—22°, для августа +5° и средняя годовая—8,4°. Наиболее низкая температура также падает на февраль—37,5°.

Что касается господствующих ветров на Новой Земле, то летом преобладают ветры западного направления, а зимою восточные, при чем последние имеют и наибольшую силу. Падая с гор, они срывают с них снег, высоко крутят его в воздухе, затемняя дневной свет при ясном небе, быстро заметая при этом доверха западные стороны всяких возвышенных предметов; с наветренной-же стороны, т.-е. с восточной, они совершенно оголяют почву, даже выбивая ее. Снег, превращенный в мельчайшую пыль, проникает во всякую незаметную на глаз скважину. Ветер срывает всякий слабо укрепленный предмет и даже несет камни до $^1/_4$ фунта весом. Не только путник, но даже зверь не могут бороться с ним и стараются укрыться в каком-либо логовище.

БИБЛИОТЕКА ГУШМИ СССР

Берега Новой Земли освобождаются ото льда приблизительно в конце Июля или начале Августа, но некоторые заливы на западном берегу (не говоря уже о восточном) северного острова остаются подо-льдом иногда и все лето.

Западный берег бывает более и чаще свободен ото льда, чем восточный, куда льды с Карского моря и Ледовитого океана большими, непроходимыми массами нагоняются восточными и северо-восточными ветрами.

Относительно той части Ледовитого океана, которая примыкает к Мурманскому берегу, и известна под именем Мурманскаго моря, Новая Земля играет роль барьера, препятствующего проникновению сюда льдов из Карского моря, а такую же роль с севера выполняет теплое Мурманское течение.

В старину Новая Земля посещалась значительными числом русских промышленников, иногда до 1000 человек (1835 г.), и часто многие из них оставались здесь на зиму, но, начиная с сороковых годов XIX столетия, промысел здесь все падал и падал, и в конце концов приход промышленников на Новую Землю почти и совсем прекратился. Так в 1875 году ее посетило всего лишь 5 русских судов, тогда как приход сюда иностранцев, главным образом норвежцев, возрос к этому времени до 100 судов, при чем норвежцы заново начали открывать то, что в XVI веке было так хорошо знакомо нашим поморам.

При посещении Новой Земли, за отсутствием на ней русских и какой-либо охраны, норвежцы хозяйничали на ней, как хотели. Они хищническим образом собирали гагачий пух, десятками тысяч вывозили в Норвегию яица гусей и гаг, разоряя их гнезда, били оленей и, в заключение, без всякого сожаления и уважения к древним памятникам посещения Новой Земли русскими, уничтожали на ней более чем столетние кресты, эти памятники наших бесстрашных старых мореходов, и избы, где они коротали долгие полярные зимы и иногда испускали свой последний вздох.

За последние два—три десятка лет промыслы русских на Новой Земле вновь стали возрастать, и в настоящее время здесь имеются четыре становища, где промышленники проживают круглый год. Все они расположены на западном берегу; самое южное из них находится в Белужьей губе, в Костином Шаре, в широте 71°30′, затем идут Малые Кармакулы в заливе Моллера, в широте 72°25′, Маточкин шар и губа Крестовая в широте 74°10′.

Большинство колонистов, обитателей становищ, самоеды-выходцы Тиманской и Большеземельской тундр—и меньшинство русские, преимущественно крестьяне Шенкурского уезда. В 1912—13 г. во всех четырех становищах проживало 130 человек обоего пола.

Главный промысел колонистов и приходящих на лето промышленников заключается в охоте и ловле сетями морского зверя, нерпы, белуги, морского зайца, лысуна и других; моржей бьют главным образом на льдах около Новой Земли, разыскивая залежки их с судна; сама же охота производится со шлюпок.

При промыслах зверя на льду случается, что промышленники забираются на своих судах, следуя за льдом и зверем, далеко на север, иногда доходят даже до мыса Желания, а иной раз входят и в Карское море, но последнее чаще всех делают норвежцы.

Вторым важным Новоземельским промыслом является охота на песца, оленя и белого медведя, при чем их бьют лишь зимою.

Из рыб ловят, главным образом, гольца в реках, но в небольшом количестве. В прежние времена промыслы его бывали очень обильны, его вывозились отсюда целые грузы; но хищнические способы ловли значительно истощили запасы гольцов и особенно по западному берегу Новой Земли, хотя за время последовавшего упадка новоземельских промыслов, как замечают, его опять стало больше.

Из других рыб, водящихся в реках Новой Земли, ловится омуль, но в незначительном количестве и, главным образом, в реках восточного берега.

Заканчивая на этом географический очерк Новой Земли, заметим, что промыслы ее все еще пока ждут своего надлежащего развития, и нет сомнения, что в будущем Новой Земле предстоит играть значительную роль в промышленной жизни Русского севера.

Исторические сведения о Новой Земле.

Что Новая Земля была известна русским ранее, чем иностранцам, тому служит доказательством уже само название «Новой Земли», под которым этот остров стал известен западным народам, и которое удержалось за ним во всех иностранных атласах, а равно и те случаи, когда английским и голландским открывателям Новой Земли русские промышленники служили иногда проводниками в плаваниях первых на восток, вдоль северных берегов России, сообщая им при этом, что виденный в таком то направлении берег,—есть «Новая Земля». Находки на берегах ее первыми иностранными мореплавателями, посетившими ее, развалившихся от ветхости крестов и изб, также доказывая это, в то же время свидетельствуют, что она посещалась нашими соотечественниками уже долгое время до этого. Но точного времени, когда Новая Земля была открыта русскими и каким путем,—остается неизвестным, и то и другое можно лишь с большей или меньшей вероятностью предполагать, основываясь на тех или иных исторических данных, касающихся Русского севера.

Одно из славянских племен, издавна обитавшее около озера Ильменя и имевшее главным городом Великий Новгород, уже на заре своей истории имело стремление на север, к Белому морю, Ледовитому океану и далее на северо-восток, к Печоре и за Уральский хребет, в Югорский край, постепенно тесня при этом их коренных обитателей, принадлежавших к финскому племени и называвшихся новгородцами общим именем «Заволоцкая чудь».

Первоначально всей стране, лежащей от Новгорода к северу и северо-востоку, до Уральского хребта, новгородцы дали одно общее название «Заволочья», так как эта территория находилась от Новгорода за «волоком»—обширным водоразделом, отделяющим бассейны рек Онеги, Двины, Мезени и Печоры от бассейна р. Волги, и через этот водораздел, во время походов, новгородцы перетаскивали («переволакивали») свои суда.

Заволочье обнимало нынешние губернии—Архангельскую, Вологодскую, Олонецкую и часть Новгородской. Позже, с начала XIII столетия, с расширением географических сведений о вновь завоеванной стране,—«Заволочьем» стали называть лишь земли, лежащие между реками Онегой и Мезенью, а прочие к северо-востоку и востоку от Белаго моря получили отдельные наименования; так, например, на северном берегу Белого моря была волость «Тре» или «Терский берег»; бассейн реки Вычегды назывался «Пермской волостью»; бассейн реки Печоры «Печорской» волостью, а далее Печоры и по ту сторону северного Уральского хребта была волость Югра, которая, как полагают, включила в себя побережье Карского моря и полуостров Ямал. Часть Заволочья, между реками Онегою и Двиною, кроме того называлась еще «Двинскою Землею».

Первобытные обитатели Заволочья вообще были отдельные, с культом идолопоклонства, финские племена,—«Ямь»; «Заволо́цкая Чудь»; «Пермь»; «Печора» и «Угра» или «Югра» [1]). Они жили разбросанно, небольшими поселками, среди лесов и болот, по берегам рек и озер, занимаясь исключительно звероловством и рыболовством. Окруженные с севера морями, а с юга дремучими лесами, они были совершенно независимы, пока смелые и предприимчивые новгородцы не проникли в их область.

Занятие края новгородцами было, почти исключительно, актом частной предприимчивости. Движение их сюда, сначала как завоевателей (ушкуйников), а потом как колонизаторов (торговых гостей), шло главным образом по течению рек, представлявших собою в этом первобытном краю единственные и удобнейшие пути сообщения, при чем впоследствии на них же были основаны и первые поселения новгородцев.

---

[1]) Летописец Нестор, перечисляя народы, живущие в Европе говорит: «в Афетове-же части сидять: Русь, Чудь и вси языцы Меря, Мурома, Весь, Мордгва, Заволоцкая чудь, Пермь, Печора, Ямь, Угра, Литва Земегола, Корса, Сетьгода, Любь, Ляхове-же и Пруси, Чудь присядять к моря Варяжскому; по сему же морю сидят Варязи семо к востоку до предела Симова, по тому-же морю сидять к западу до земле Агнянски и до Волошьски»... Перечисляя далее племена финские, славянские и литовские, населяющие Россию того времени сообщает, что «на Белоозере седять Весь, а на Ростовском озере Меря, а на Клещине озере Меря-же; По Оце реце где потече в Волгу, Мурома язык свой и Черемиси свой язык, Морцдва свой язык. Се бо токмо словеньске язык в Руси... а се суть инии языцы, иже дань дают Руси: Чудь, Меря, Весь, Мурома, Черемись, Морцдва, Пермь, Печора, Ямь, Литва, Земигола, Корсь, Норова, Любь, си суть свой язык имуще, от колена Афетова, ине живут в странах полуночных»...

В русских летописях имеются указания, что обитатели Заволочья уже в первой половине IX столетия были данниками новгородских славян, а лопари (лопь) Кольского полуострова в том же столетии были союзниками славян, приходивших на север для торговли и промыслов, еще задолго до призвания на Русь варягов. Но впоследствии, когда новгородцы стали появляться здесь как завоеватели, Чудь не сразу подчинилась новым пришельцам, давая им отпор, иногда силою, иногда откупаясь уплатою дани. Лишь со времени завоевания новгородцами Заволочья, появились и их первые поселения по нижнему течению Двины, на берегах Белого моря и Ледовитого океана.

В конце IX столетия в устьи р. Двины их еще не было, так как норвежский викинг Отар или Охтер, посланный англосаксонским королем Альфредом Великим на север, с целью узнать, как далеко простирается в этом направлении земля, и доходивший во второй половине упомянутого столетия до устья Двины морем, нашел ее здесь населенною племенем Биормов, говорившим, по его мнению, одним языком с финнами, при чем Охтер ничего не упоминает при этом о славянах. Недружелюбно встреченный Биормами и устрашась их многочисленности, он не решился плыть далее вверх по реке. Земля же тер-финнов (Терский берег), виденная им при плавании сюда морем, не была заселена,—он видел лишь временно бывших здесь рыболовов и звероловов из финнов же. Не видно здесь новгородских поселений еще и в начале XII столетия, так как в 1024 году к устью Двины, где был богатый торговый город Чуди и куда летом приезжали для торговли скандинавские купцы, приходил морем же и, как полагают не первый раз, другой норвежский викинг Туре Гунд, ограбивший на этот раз храм чудского божества Юмалы. Заволочье новгородцев было известно в то время Европе под именем Биармии или Пермии, главный город которой находился около нынешних Холмогор.

Но не более, как через 50 лет после разгрома норвежцами капища Юмалы, здесь возникают уже первые поселения новгородцев с их посадниками, которым все местное население более или менее спокойно подчиняется. С этого времени Чудь частью слилась с новыми пришельцами, обрусела, частью же ушла далее на северо-восток и восток. В настоящее время о ней напоминают лишь названия чуть не большей части наших северных рек, озер, урочищ, сел, холмов и местностей разного рода, как

например: Двина, Печора, Пинега, Койда, Ракула, Холмогоры Вавчуга, Кеврола, Шенкурск, Падера, Юрмола, Кегоостров, Лисестров, Кузомень, Нальостров, Чухченема, Кашкаранда и многие другие.

В начале XI же столетия новгородцы появились и на Мурманском берегу Ледовитого океана. Об этом свидетельствует одна скандинавская рунная грамота, из которой видно, что не позже 1030 года границей на севере между Русью и Норвегией считался морской залив Люген-фиорд, недалеко от Тромсэ. Так как нельзя думать, чтобы упомянутое установление границы произошло сейчас же вслед за появлением здесь первых новгородцев, то и можно с большею долею вероятности заключить, что они появились здесь раньше, а именно в X столетии. Установление границы, вероятно, было вызвано уже начавшейся широкой деятельностью новых пришельцев. Появление их здесь ранее, чем в устье Двины, можно объяснить тем, что новгородцы мало встречали отпора со стороны лопарей, так как это полудикое кочующее племя не имело прочных жилищ, а передвигалось с места на место сообразно тому, куда шли их олени за кормом. Поэтому дружины новгородцев могли встретить отпор только со стороны оседлых норвежцев. Граница была установлена по соглашению между новгородским князем Ярославом Мудрым, впоследствии Киевским князем, с норвежским королем Олафом Толстым, на дочери которого Ярослав был женат.

Без сомнения, ко времени появления новгородцев в Двинской Земле и на Мурманском берегу надо отнести и начало плавания русских по Белому морю и Ледовитому океану, но сведений, далеко-ли совершались они, в первое и ближайшее последующее за ним время, в ту или иную сторону, как из Белого моря так и с Мурманского берега,—не имеется. Надо думать, что они не были далеки, так как новгородцы, еще мало знакомые с морем, должны были некоторое время привыкать к нему, чтобы пуститься в далекий, неизвестный и опасный путь. И действительно, имеются основания предполагать, что новгородцы пришли на Мурман не морем со стороны Святого Носа, а из Кандалакши, между которою и Колой есть всего один волок, длиною около версты, а известно, что новгородцы совершали свои походы преимущественно на лодках по рекам, переволакивая их через водоразделы («волоки»). Последнее предположение подтверждается тем обстоятель-

ством, что Кола была основана ими много раньше, чем селения на Терском берегу Белого моря: Поной, Умба и Варзуга. Если бы новгородцы шли впервые на Мурман из Белого моря, то эти реки, которых они не могли бы не заметить, нет сомнения, послужили бы также и местом их первых поселений. Они, так сказать, как и везде ранее до этого, осели бы здесь на пути туда. Основываясь на изложенном, мало вероятного допустить, чтобы Новая Земля была открыта русскими с этой стороны, т.-е. со стороны Белого моря.

Скорее всего это могло быть сделано со стороны Печорского или Югорского края, куда новгородцы проникли также рано, а именно в XI столетии, на что имеются указания летописцев. Как и обитатели Заволочья, Югры также подчинились новгородцам, но не сразу,—они делали неоднократные попытки свергнуть иго пришельцев, о чем свидетельствуют многие походы сюда новгородцев, для усмирения некоторых туземцев [1]). Имея, каким бы то ни было образом, общение с обитателями, кочевниками Печорского и Югорского края, новгородцы могли тогда же узнать и услышать от них о Новой Земле, знакомой в свою очередь этим кочевникам с давних времен, так как кочуя они могли проникнуть туда без особых затруднений через остров Вайгач, отделенный от материка узким проливом и неособенно широким от Новой Земли. К тому же известно, что на Вайгач можно попасть зимою по льду на оленях, а с Вайгача Новая Земля в ясную погоду бывает хорошо видна. Означает ли поход новгородцев на «Желез-

---

[1]) Летописец Нестор под 1095 г. сообщает: «Се же хощю сказати, яже слышах прежде сих 4 лет, яже сказа ми Гюрятя Роговичь Новгородець глаголя сице: яко послах отрок свой в Печору, люди, яже суть дань дающе Новугороду; и пришедшю отроку моему к ним, и оттуду иде в Югру; Югра же людье есть язык нем и сидят с Самоядью на полуночных странах»... Кроме этой заметки летописца, имеется легенда, записанная хронографами XVI века, о заселении северной России. Легенда эта «О истории еже от начала русские земли и создании Новагорода», повествуют, что потомки Словена и Руса, основавших город на берегу Ильменя и назвавших реку Волхов по имени сына Словенова, который был «Бесоугодник и чародей люти», княжили над окрестною страною и овладели берегами Ледовитого океана, перейдя Камень (Урал)—«Сынове их и внуцы княжаху по коленом своим и налезоша себе славы вечные и богатства многа мечем своим и луком, обладаша же и северными странами и по всему морю даже до предел Ледовитого моря и окрест желтоводных и зеленоводных и по великим рекам Печоре к Выми и за высокими горами в стране, рекомой Скир по великой реце Оби до устья Беловодныя реки, яже вода была аки млеко; тамо-бо звери родятся рекомыи соболь».

ние врата» [1])—поход к Карским воротам, называющихся также и Железными, достоверно сказать нельзя, так как на севере существует довольно много мест, носящих это название. Хотя ученый Лерберг и полагает, что этот поход велся морем через Югорский шар, но это мало вероятно, так как летописец в этом случае, надо думать, не преминул бы сообщить об этом походе, как об особенно трудном, отважном и необычайном для них.

Герберштейн в своих записках о Московии два раза упоминает о какой-то стране «Енгронеланд», находящейся в Ледовитом море, за Рифейскими и Гиперборейскими горами и за устьями рек Печоры и Оби, сношения с которой трудны по причине постоянно плавающего льда. Но есть-ли это Новая Земля, смешанная Герберштейном с Гренландией, тем более, что такая ошибка с его стороны очень возможна, в виду того, что географическое описание этой части России, как и других, он составлял со слов расскасчиков, а его личные познания в географии, вообще, могли быть и не особенно обширны и ясны. Во всяком случае надо думать, что русские, дававшие ему географические сведения о своей стране, Новую Землю не могли назвать «Енгронеландией». Последнее название он дал, забывши настоящее наименование ее, сообщенное ему русскими, а о Гренландии, как о ледяной стране и тоже в океане, он мог слышать в Европе.

Было-ли известно русским открывателям Новой Земли, что это остров, а не материк? Можно предполагать, что первое время она считалась материком, и только этим можно объяснить ее название и, главным образом, присутствие в нем слова «Земля», что и в настоящее время, на языке северных поморов, означает матерой берег (материк), впечатление которого своею величиною она могла произвести на первых пришельцев туда или увидевших

---

[1]) Никонова летопись: «В лето 6540 (1032) Ярослав пота по Руси городы ставити. Того-же лета Улеб изыде на Железные врата из Новугорода и вспять мало их возвратишися, но мнози тамо погибоша».

В 1184 г. были отправлены из Новгорода в Заволочье, Печору и Югру даньщики за мехами и прочим, но все они были перебиты туземцами.

В 1183 г. «идоша из Новогорода в Югру ратью с воеводою Ядрейком и придоша в Югру и взяша град и придона к другому граду и затворишася в граде». Эта дружина новгородцев была разгромлена Югрой и лишь незначительные остатки ее вернулись в Новгород через 8 месяцев.

Ростовск. летопись. «Тое-же зимы (1364) с Югры новгородцы приехаша. Дети боярские и люди молодыя воеводы Александр Обакунович воеваша по Оби реки и до моря, а другая половина на верх Оби»... Далее известны походы 1455 г., 1465 г., 1483 г. и последний 1499 г.

ее впервые еще с Вайгача. Для предприимчивых новгородцев, неудержимо стремившихся в своем поступательном движении на северо-восток все далее и далее, представший пред ними большой, еще неведомый им, остров действительно мог показаться «землею»,—настолько он был велик, против прочих островов, виденных ими до этого.

Но новгородцы и преемники их, совершая на Новую Землю плавания, не оставили ни о ней, ни о своих путешествиях туда никаких письменных сведений. Они передавались в потомстве устным преданием и таким же путем происходило и знакомство с нею. Первые печатные сведения о Новой Земле появились лишь со времени посещения ее иностранными мореплавателями, стремившимися к открытию северо-восточного пути в Китай и Индию. К краткому обзору этих плаваний мы сейчас переходим.

Краткий исторический обзор первых путешествий к Новой Земле русских и иностранных мореплавателей.

Великие морские открытия конца XV столетия испанских и португальских моряков—Америки—Колумбом и морского пути в Индию, кругом Африки и южной Америки,—Васко де Гама и Магелланом, возбудили интерес и соревнование в передовых морских нациях того времени Англии и Голландии, стремившихся открыть новый путь в Китай и Индию через Северный Ледовитый океан.

Сначала они пытались сделать это на северо-западе Америки, но безуспешно, после чего обратились на северо-восток Европы.

Основанное в Лондоне английскими купцами «Общество купцов искателей приключений для открытия неведомых земель, островов и держав», под председательством отца полярных исследователей, престарелого Себастиана Кабота, возведенного за свои заслуги в звание Великого Штурмана Англии, имевшее целью открытие новых морских путей, снарядило для отыскания северо-восточного пути в Китай три корабля: «Добрая Надежда» в 120 тонн, «Эдуард Удалец» в 160 тонн и «Добрая Доверенность» в 90 тонн.

Начальником эскадры и командиром первого корабля был сэр Гуго Виллоби, вторым командовал капитан Ричард Ченслер и третьим штурман Корвиль Дурфорт.

1553 года 20 Мая эскадра вышла в море из Ратклифа. У острова Сейнама, одного из группы Лофотенских островов, во время шторма, суда эскадры разлучились.

Виллоби на «Доброй Надежде» с «Добрая Доверенность», следуя к северу, обогнул мыс, названный им Нордкап, и, плывя далее на восток, 14 Августа под широтою 72° увидел берег. Это была Гусиная Земля, названная впоследствии землею Виллоби, но название не удержавшееся и вскоре вышедшее из употребления. Виллоби не мог подойти близко к берегу из-за льдов и не обследовав своего открытия пошел от Новой Земли к Мурманскому берегу, и 18 Сентября вошел в устье речки Варсиной, около острова Ноккуева.

Здесь застигла его суровая зима, во время которой он и команда, числом 70 человек, погибли от холода и голода. На следующий год, весною, русские промышленники случайно нашли здесь два английских корабля с трупами замерзших людей. Виллоби лежал в каюте, с журналом в руках, который, повидимому, он писал, пока не лишился чувств. Из журнала видно, что в январе месяце Виллоби был еще жив.

Ченслер-же на «Эдуард Удалец», разлученный с эскадрой штормом у Сейнама, направился, вероятно, вдоль берега к востоку и, войдя в Белое море, достиг устья р. С. Двины у Никольского монастыря.

Этим плаванием было положено начало морским сношениям между Россией и Англией.

Переводя на русскую историческую хронологию, это произошло в начале правления Иоанна Грозного.

В 1556 г. Стефан Бурро, образованный моряк, бывший штурманом у Ченслера на «Эдуард Удалец», был послан бывшим «Обществом искателей приключений», ныне «Московской Компанией», для отыскания устья р. Оби. Выйдя из Гревздена 29 Апреля на пинке «Искатель», Бурро, 23 Мая обогнув Нордкап, прибыл 9 Июня в устье реки Кулой в Мезенском заливе. Познакомившись здесь с одним из русских мореходов, большая часть которых шла в Печору и далее на восток для промыслов, Бурро пошел совместно с ним к востоку. Бурро сообщает, что этого мореходa звали Гаврилой.

Заходя на пути в Печору, 31 Июля они достигли острова Вайгача. Тут он опять встретил много русских ладей, кормщик одной, по имени Лошак, говорил ему, что виденная Бурро перед

этим на севере земля называется «Новою Землею». Здесь он неоднократно пытался проникнуть через Югорский Шар в Карское море, но, встречая каждый раз льды, 20 Августа пошел обратно, побуждаемый к тому, как он пишет, следующими причинами: во-первых, теснимый постоянными северными ветрами; во-вторых, из-за страшной массы льдов, которые он видел «собственными глазами«, и, в-третьих, потому, что ночи становились очень темными. 10-го Сентября Бурро пришел в Холмогоры и здесь перезимовал.

Едва только открылись торговые сношения между Россией и Англией через Белое море, как вслед за англичанами появились здесь и другие нации, в том числе и голландцы. Основателем торговли их на Белом море был некто Оливье Брюннель.

Он отправился из Голландии в Холмогоры, для установления прочных торговых сношений и изучения русского языка, но был здесь вскоре-же схвачен, как шпион, и долгое время сидел в заключении в Ярославле. Освобожденный из заключения Сольвычегодскими купцами братьями Строгановыми, он ходил с русскими охотниками через Печору к Ледовитому океану и побывал на Новой Земле, а после несколько раз посещал и р. Обь, где узнал, что по ней можно иметь сообщение с Китаем.

Бывая потом ежегодно в Голландии с товарами Строгановых, Брюннель рассказывал там о всем виденном и слышанном им, заинтересовав предприимчивых голландских купцов возможностью ведения торговли с Китаем через р. Обь.

В 1582 году на судне, снаряженном неким Миддельбургским купцом Балтазаром Мушероном, Брюннель пошел к Югорскому Шару, но все его усилия пройти в Карское море были тщетны,— мешал лед, и он вернулся обратно. Об этой экспедиции Голландцев на северо-восток известно очень мало.

Однако, несмотря на неудачи экспедиций Пет-Джакманской и Брюннеля, голландцы продолжали неотступно преследовать свою цель открытия северо-восточного пути в Китай.

Несколько богатых купцов из Амстердама, Миддельбурга и Энкгейзена снарядили для этой цели эскадру из трех судов и одной яхты, разделив ее на два отряда.

Одному из них, состоящему из судов «Лебедь» и «Меркурий» под начальством адмирала Корнелиса Най, бывавшему в России ранее по поручению купца Балтазара Мушерона, поручалось найти путь в Китай через Югорский Шар и реку Обь.

Вторым отрядом, из судов «Посланник» и яхты, командовал опытный моряк Вильгельм Баренц фан-дер Схеллинг, Амстердамский гражданин. Ему ставилось задачей отыскать путь туда-же, обогнув Новую Землю с севера.

Необходимо заметить, что в описываемое время, на основании одной теории, считалось очень вероятным, что море на крайнем севере должно быть свободно ото льда. Поэтому то Баренцу и предлагалось искать путь в Китай кругом северной оконечности Новой Земли.

1594 года 5 Июня Най вышел из Текселя, а через несколько дней за ним последовал и Баренц.

23 Июня они сошлись у острова Кильдина, о чем было условлено заранее, при чем первым прибыл сюда Най. Простоя здесь до 29 Июня, отряды разделились.

Баренц пошел на северо-восток и 4 Июля под широтою 73°45′ увидел землю, называемую, как он пишет, россиянами «Новою Землею».

Не стесняемый льдами, он пошел отсюда вдоль берега Новой Земли к северу. Войдя на пути в Софронову губу, он нашел на берегах ее следы человеческого пребывания—развалившуюся избу и кресты. Беспрерывно подвигаясь вперед и осматривая берега, к 9 Июля он достиг островов Горбовых, где простоял на якоре несколько дней. Продолжая плавание далее к северу и часто заходя в губы, к 31 Июля он достиг Оранских островов, лежащих у северной оконечности Новой Земли, и был здесь остановлен в своем дальнейшем плавании льдами, покрывшими море, насколько мог он видеть, сплошною массой.

1 Августа Баренц пустился в обратный путь вдоль западного берега Новой Земли, внимательно осматривая его и нанося на карту. Маточкин Шар он прошел мимо не заметив его. Около 10 Августа им был усмотрен остров, и по найденным на нем крестам, он назвал его Крестовым. Полагают, что это было в северном устье Костина Шара. Плывя далее к югу, он подошел к мысу Мучному, у южного устья Костина Шара и, высадясь на берег, нашел здесь три избы, зарытую в землю ржаную муку, порожние бочки и несколько гробов. Далее к югу, около нынешних Саханских островов, названных Баренцом островами Св. Клары, он был встречен льдом, двигавшимся с востока, и, повернув отсюда на юго-восток, он вскоре подошел к островам Матвееву и Долгому, встретив здесь отряд Ная, уже направившегося обратно в Голландию.

Расставшись с Баренцом у Кильдина и плывя на восток, часто встречая на пути русских промышленников, 21 Июля Най подошел к Вайгачу, на пути сюда от Канина Носа, он встретил лед, выходивший из Чешской губы, но прошел в нее и стоял некоторое время на якоре за островом Простым, а при дальнейшем плавании заходил в Печерскую губу.

На этом протяжении пути встречавшиеся ему русские промышленники предлагали ему быть лоцманами в его плавании далее на восток.

Войдя через несколько дней в Югорский Шар, названный им проливом Нассауским, он встал здесь на якорь. На одном из мысов острова Вайгача, нынешнем Болванском, он нашел до 400 деревянных идолов очень грубой работы, и поэтому назвал его «мысом Идолов». Раньше Ная на этом же мысу был также и Бурро.

1 Августа войдя в Карское море Най лавировал во льдах, постепенно подвигаясь в Байдарацкую губу. Достигнув полуострова Ямала около залива Метного и приняв его за устье Оби, Най решил, что «нашел дорогу и свободный путь в Китай» и, считая свою задачу исполненной, повернул обратно.

В Карском море, как он сообщает, они видели тюленей, а русские называют их моржами, с торщащей из воды головой и шеей, рыжего цвета, из пасти торчали 2 клыка, сверху вниз, как у слонов».

Пройдя на обратном пути также Югорским Шаром, Най 16 Августа подошел к островам Долгому и Матвееву и, встретясь здесь с Баренцом, начал совместно с ним обратное плавание. 16 Сентября они прибыли в Тексель.

Уверенные, что северо-восточный путь в Китай открыт, голландцы снарядили вторую эскадру уже из семи судов, богато снабдив ее товарами для меновой торговли. Адмиралом эскадры был назначен тот-же Най, а командование отдельными судами было вверено капитанам: Вильгельму Баренцу, Бранту Тетгалесу, Ламберту Оому, Томасу Велимсону, Герману Янсону и Генриху Гартману.

1595 года 2 Июля вся эскадра вышла из Голландии, из Текселя, и, 7 Августа обогнув Нордкап, разделилась на два отряда: первый, из двух судов, пошел в Белое море, а другой продолжал плавание на восток.

В широте $70^1/_2°$ 17 Августа их встретил лед, через который с трудом продвигаясь, 20 числа отряд подошел к Югорскому Шару, плотно забитому льдом, и встал здесь на якорь.

Тут видели они две русских ладьи, из которых одна была из Пинеги. Кормщик ее говорил Наю, что к северу от Вайгача есть «Новая Земля», отделяемая от него широким проливом, и куда они ежегодно приходят для промыслов. Он рассказал ему также что некоторые суда ходят и далее на восток в реку Обь и Енисей, где торгуют сукнами и другими товарами и что там живут христиане греческого вероисповедания. В благодарность за сообщения голландцы подарили на каждую ладью по компасу и в заключение просили русских передать самоедам, чтобы те не боялись их, т.-к. последние при встрече с голландцами сейчас-же разбетались. Встреченный Наем впоследствии здесь-же один самоедский старшина, говоривший по-русски, сказывал ему, что «Карское море» (по голландски Татарское) можно перейти от Югорского пролива в 5 дней, где будет опять пролив, а потом большое море». Указывая в ту же сторону самоед говорил, что там есть большие реки— Обь и Енисей, «где торгуют русские лодки». Сказывал также, что земля, находящяяся у р. Оби, имеет мыс «Ноэс», против которого находится конец Новой Земли, и обогнув который попадают в большое открытое море, идущее вдоль Тартарии и вплоть до теплого моря».

Читая эти сообщения голландцев, невольно представляется, что такие же сообщения самоеды давали, вероятно, и первым русским, пришедшим сюда.

Из приведенных выдержек видно, что познания самоедов в географии северного берега Азии на восток были значительны.

Несколько попыток Ная плыть к востоку через Карское море не увенчались успехом,—то мешали льды и туманы, то встречные шторма.

На собранном 8 Сентября совещании капитанов большинством голосов было решено отступить перед непреодолимыми препятствиями и плыть обратно, но Баренц не согласился с этим решением и не подписал протокола совещания. Он предлагал перезимовать где-либо на западном берегу Новой Земли и будущим летом, обогнув Новую Землю с севера, искать пути в Китай с этой стороны, но это предложение Баренца было отвергнуто.

11 Сентября была сделана еще одна попытка проникнуть в Карское море, но также безуспешно. Тогда 15 Сентября общим советом капитанов было решено плыть обратно. Команда начинала сильно роптать, боясь остаться здесь на зиму, появились больные цынгою, а незадолго перед этим два матроса, ходившие по берегу

Вайгача и «искавшие хрусталь», были растерзаны медведями. Все это удручило команду.

15-го сентября отряд начал обратное плавание, и лишь к 26-му октября все суда, в разное время, вернулись в Тексель, не оправдав пылких надежд соотечественников.

После этой неудачи правительство отказалось от посылки экспедиций, но не оставило без поощрения стремления к северным плаваниям частных лиц. Была назначена премия в 24.000 гульденов и гарантирован ряд привеллегий на несколько лет тому, кто откроет северо-восточный проход в Китай.

Возможность открытия этого пути попрежнему горячо поддерживалась группой лиц, не терявших веры в успех предприятий, действовавших в этом направлении, и во главе ее стоял известный нам Баренц.

По их убеждению, несколько Амстердамских купцов снова согласились снарядить экспедицию, построив для этой цели два судна, при чем и на этот раз было решено искать путь в Китай в северном направлении.

Воззрение, что море в больших полярных широтах более или менее должно быть свободно ото льдов еще не было опровергнуто.

Командование судами было поручено капитанам Корнелию Рипу и Якову Гемскерку.

Смелость Баренца не внушала доверия купцам-отправителям, почему он и был обойден в назначении капитанов на суда экспедиции. Но, вдохновитель и душа ее, он, желая участвовать в ней во что бы то ни стало, пошел в подчиненной должности старшего штурмана у Якова Гермскерк.

10-го мая 1596 года суда оставили Амстердамский рейд. Еще не дойдя до Нордкапа, между Рипом и Баренцем произошли несогласия. Первый желал пойти отсюда прямо на север, полагая найти там свободное море, а Баренц держался того мнения, что лишь путь на северо-восток может привести экспедицию к желаемой цели. Однако мнение Баренца было отвергнуто, и суда продолжали путь на север.

9-го июня, в широте $74^1/_2°$, они открыли остров и простояв у него до 13-го числа продолжали плавание далее в том же направлении. Открытый остров ими был назван Медвежьим.

Хотя Баренц и на этот раз был против дальнейшего продвижения на север, но мнение Рипа и на этот раз взяло верх, и, даже более того, курс скоро был изменен на северо-запад.

19-го июня, в широте 80°11′, они увидели землю, приняв ее за часть Гренландского берега. На самом же деле это была северная часть неизвестной до сих пор Шпицбергенской группы островов и часть северного берега собственно Шпицбергена.

Как думают теперь, они, идя от Медвежьего острова в северо-западном направлении, прошли по западной стороне этого полярного архипелага и достигли указанной широты. Вновь открытой земле они дали название «Шпицбергена», т. к. большинство гор на ней имело остроконечные вершины.

Вскоре же лед заставил их спуститься отсюда назад к Медвежьему острову, куда они и подошли 1-го июля.

Здесь мнения относительно направления дальнейшего пути опять разделились. Рип по прежнему настаивал итти на север, и уже от Шпицбергена повернуть на восток, а Баренц предлагал свой прежний план,—итти отсюда прямо на северо-восток.

В конце концов они разделились—Рип пошел к Шпицбергену, а Баренц к уже знакомой ему Новой Земле, и 17-го июля, в широте 74°40′, вышел на вид ее у полуострова Адмиралтейства, принятого им за остров.

В непрерывной борьбе со встретившими его вскоре льдами, он пробирался к северу, и к 19-му августа достиг северной оконечности Новой Земли—мыса Желания—или по русски—Доходы.

Отсюда он взял курс на юго-восток, но вскоре же был вынужден повернуть обратно, встретив непроходимую массу льда. 21-го августа он вышел в Ледяной залив, к югу от мыса Желания. Здесь лед повредил у его судна руль и раздавил одну шлюпку.

26-го августа корабль его был окончательно затерт льдами и при этом настолько серьезно поврежден, что исправить его не было никакой возможности. Сняв с него все имущество и провизию, он построил на берегу избу из плавничного леса и поселился в ней с командою.

Здесь провели они долгую страшную зиму. Для поддержания бодрости и здоровья, они доставляли себе как можно больше движения; кроме необходимой повседневной работы, они занимались охотою на медведей и песцов, устраивали игры, развлечения и даже, по совету судового медика, часто принимали теплую ванну в бочке, поставленной посредине избы.

Только благодаря этим мерам, а *также характеру голландцев, вообще*, они не поддались цынге и остались живы, несмотря

на то, что при отправлении в плавание, экспедиция и не думала о зимовке, вообще; за время ее они потеряли лишь одного человека, умершего от цынги.

С наступлением лета, Баренц, уже больной в это время, начал готовиться на оставшихся шлюпках к возвращению на родину. Корабль, почти разрушенный льдом, не годился для плавания.

14-го июля 1597 года смельчаки, простясь с неприветливым берегом, где провели они восемь тяжелых месяцев, вышли на шлюпках в океан.

Раньше чем уйти из зимовья, Баренц и Гемскерк написали краткий отчет о своем плавании и, вложив его в пороховой рог, подвесили его в дымовой трубе избы, дабы медведи и песцы не могли уничтожить его.

Почти триста лет спустя этот замечательный документ был найден здесь одним норвежским шкипером-зверобоем, посетившим место зимовки голландцев. При этом дом и обстановка в нем были найдены так хорошо сохранившимися, что производили впечатление только что покинутых зимовщиками.

20-го июля, дойдя лишь до мыса Ледяного, славный Баренц умер, а через короткое время еще один матрос. Они были похоронены здесь же на берегу.

Смерть Баренца, как говорится в дневнике экспедиции, поставила участников ее «в немалое затруднение, т. к. он был собственно нашим начальником и действительным нашим руководителем, на которого мы, после Бога, больше всех уповали».

Предводительствуемая далее Гемскерком, экспедиция беспрерывно подвигалась к югу вдоль берега и достигнув к 26-му июля губы Стрегановской, встретила здесь две лодки русских промышленников, которые в изобилии снабдили их провизией и оказали всякого рода помощь.

От юго-восточного берега Новой Земли шлюпки перешли к Печорскому Берегу, а отсюда направились вдоль его к западу.

К 24-му августа они дошли до Семи Островов и вскоре до Кильдина, где узнали, что в Коле находится голландский корабль, на который Гемскерк послал извещение о их прибытии, прося притти за ними. Через несколько дней они уже плыли на нем в Голландию. Это был корабль Рипа.

Расставшись с Баренцем у острова Медвежьего, Рип пошел снова на север, но опять безуспешно и в том же году вернулся

на родину. В 1597 году он был отправлен в Белое море с товарами и теперь возвращался обратно.

1-го ноября участники экспедиции Баренца прибыли в Амстердам, встреченные горячими приветствиями соотечественников, уже не думавшими видеть их в живых.

Экспедиция Баренца была последняя, предпринятая голландцами с определенной целью отыскать северо-восточный путь в Китай.

Однако, несмотря на предшествовавшие неудачи, разрешение проблемы северо восточного прохода продолжало интересовать смелых мореплавателей всех наций, и попытки в этом направлении продолжались еще долгое время, но все они имели меньшее значение, чем предыдущие, и поэтому мы скажем о них кратко.

В 1608 году и 1609 годах знаменитый английский полярный мореплаватель Генри Гудсон два раза ходил к Новой Земле, но неудачно. Причем в 1609 году он пошел отсюда в Америку и зимовал там во льдах, но весною взбунтовавшейся командою был посажен с сыном и с семью человеками экипажа в шлюпку и, предоставленный судьбе, пропал без вести.

В 1618 году голландский моряк Ян Корнелисон Фан-Горы пытался обогнуть Новую Землю с севера, но, вынужденный к тому льдами, повернул обратно.

В 1625 году голландский же капитан Корнелий Босман проходил Югорским Шаром в Карское море, но, встретив лед и получив повреждение судна, невольно должен был вернуться обратно.

Это плавание голландцев, было последней попыткой с их стороны отыскать северо-восточный путь в Китай и Индию.

В 1653 году датская северная торговая компания в Копенгагене решила предпринять путешествие в Норвегию и другие северные страны с коммерческой же целью, для чего снарядила три корабля. Экспедиция вышла в море в феврале и, посетив последовательно берега Норвегии, Лапландии и Северной России до Новой Земли (южной части), на обратном пути совершила путь до Гренландии и Исландии и в октябре того же года вернулась в Копенгаген.

На одном из судов экспедиции находился в звании лекаря, некий француз де-Ламартиньер, который, по возвращении из плавания, напечатал отчет о экспедиции, или, что вернее, издал просто описание всего виденного и слышенного им. Первое время

книга его пользовалась большим успехом, но впоследствии ее начали считать не заслуживающей ни малейшего доверия, благодаря массе помещенных в ней различных, как бы сказочных, описаний, на самом деле существовавших и ныне частью еще существующих обычаев, поверий, жизни и быта северных норвежцев, лопарей и русских, описаний виденных им мест, физических явлений и собственного плавания. Правда, к тому, что описал Ламартиньер, кое что было прибавлено и действительно уже вымышленное, в последующих изданиях его книги, уже после смерти автора. Новейшие же исторические исследования, наоборот, устанавливают полную добросовестность Ламартиньера, а равно и чрезвычайный интерес и важность его описаний глухих углов нашего севера, которые еще и по ныне плохо описаны.

Что касается англичан, то последней попыткой их в этом направлении было плавание капитанов Джона Вуда и Вильяма Флауса в 1676 г.

Они вышли из Темзы 28-го мая на двух судах—Вуд на «Спидвел» и Флаус на пинке «Просперос».

Встретив 22-го июня лед в широте 76° и долготе $39^1/_2$°, они шли четыре дня вдоль его кромки, сначала на восток, а потом на юго-восток, и 26-го числа, в широте 74°40′ увидели Новую Землю, но подойти близко к берегу помешал лед.

В ожидании изменения состояния его, оба судна лавировали, скоро потеряв при этом друг друга из вида.

29-го июня, приближаясь к берегу, Вуд потерпел на рифе крушение, потеряв двух человек, спасшись с остальною командою на берег.

Положение их было критическое. Не было провизии, и была всего лишь одна шлюпка небольшого размера. Корабля Флауса не было видно, а наступившая туманная погода лишала их всякой надежды, что их могут заметить с моря. В мучительной неизвестности они провели десять дней, когда 8-го июля Флаус, заметив их сигнал о бедствии, принял на свой корабль и благополучно вернулся в Англию 22-го августа.

После этой неудачи Вуд, бывший ранее ярым сторонником северо-восточного пути, — теперь в такой же степени, если не больше, стал его противником.

Безуспешным плаванием Вуда и Флауса заканчиваются плавания на северо-восток, с целью открытия пути в Индию и Китай.

В приведенном перечне совершенно опущены плавания к Новой Земле голландских зверобоев, как, например, Фламинга, Скобергера и других, хотя необходимо заметить при этом, что в одно из посещений Фламингом Новой Земли, им был открыт Маточкин Шар, до тех пор неизвестный голландцам.

Ничего не упоминается также и о некоторых экспедициях для открытия северо-восточного пути, имевших мало значения и оставивших по себе очень скудные сведения. Об одной из них известно лишь, что она была снабжена письмами на еврейском языке, на случай отыскания одного из десяти колен Израиля.

Из всех перечисленных путешествий к Новой Земле самыми важными и замечательными по своим результатам, являются экспедиции смелого искусного моряка знаменитого Баренца; он больше всех других дал сведения о ней и первый, более или менее верно положил ее на карту.

Переходя к описанию плаваний на Новую Землю русских, приходится столкнуться с полным отсутствием каких-либо письменных сведений или указаний. История ничего не говорит ни о первых, ни о последующих путешествиях туда. Лишь в XVIII столетии встречаются первые, и то устные, сведения о плаваниях туда наших соотечественников. Но нет сомнения в том, что она посещалась ими задолго до иностранцев, чему служат доказательством находки последними на берегах ее уже развалившихся от ветхости крестов и изб, между тем, как известно, что дерево на Новой Земле сохраняется весьма продолжительное время.

В начале XVIII столетия Мезенский кормщик, промышленник Федор Ипполитов Рахманин, провел на Новой Земле 26 зим по поручению Архангельского купца Лобанова, 5 раз ходил морем в Енисей и обратно.

Этот Рахманин представляет собою пример поразительной предприимчивости старого, теперь уже вымершего, поколения бесстрашных поморов. В общей сложности он провел на море 40 лет, начав плавать с 17-ти летнего возраста. Кроме Новой Земли он 6 раз зимовал на Шпицбергене.

Первые достоверные сведения, касающиеся плаваний к Новой Земле русских и то лишь в форме устного предания относятся к средине XVIII столетия.

В 1757 году кормщик Афанасий Юшков бы послан Директором Шуваловской Сальной конторы кином на Новую Землю для розысков серебра, будто-бы находящегося в губе Серебрянке, (отчего она и получила свое название) на поверхности земли «ввиде некоторой накипи», но Юшков умер в пути на Новую Землю.

Другой новоземельный кормщик, родом олончанин, Савва Лошкин, около 1760 года решил пойти для промыслов на Новую Землю на восточный берег её, расчитывая найти там лучшую добычу. Подробностей этого, в высшей степени интересного, плавания, к сожалению, не имеется,—известно лишь, что Лошкин преодолевая на пути невероятные препятствия, провел на восточном берегу две зимы и употребил три года только на то, чтобы обогнуть мыс Желания и выйти к западному берегу Новой Земли. Своим плаванием он первый доказал, что Новая Земля есть остров.

Других сведений, хотя-бы в форме устных преданий, о посещении русскими Новой Земли до описываемого времени,—история не сохранила.

Русские исследования Новой Земли с конца XVIII века.

Все предшествующие путешествия русских к Новой Земле имели своею исключительною целью промысел, и поэтому понятно, что никаких описей берегов и не велось, да и не могло этого быть, так как все плавания туда совершались простыми кормщиками, людьми в большинстве случаев неграмотными.

Лишь во второй половине XVIII столетия делаются первые со стороны русских попытки ее частичной описи и определения ее географического положения.

Розмыслов.

В 1767 году крестьянин селения Шуя, Кемского уезда, Яков Чиракин подал Архангельскому Губернатору Головцыну заявление, в котором сообщал, что «прошлого 1766 года, в Июле месяце, был он послан от Архангельского купца Антона Барбина с прочими работниками, девятью человеками, на судне кормщиком на состоящую в Белом море Новую Землю для ловли зверей, где находился даже Сентября до 1 числа 1767 года, в которое время тогдашним летом одним небольшим проливом в малом извозном корбасу оную Новую Землю проходил поперек насквозь на другое, называемое Карское море, два раза оттуда и возвращался в Белое море тем-же проливом и оному месту снял он своеручно план».

План этот и описание пролива, приложенные Чиракиным к поданному им заявлению, вместе с ним были направлены Головцыным в Архангельскую контору над портом, с просьбою рассмотреть их и дать отзыв.

Контора над портом поручила это дело штурману подпоруческого ранга Федору Розмыслову, который, рассмотрев и план и описание, а также расспросив обо всем касающемся дела и самого Чиракина, нашел, что «по справке географской генеральной ландкарте, от Семи Островов, Гусиный Нос лежит в ширину 73° 45′». Были ли еще какие-нибудь заключения и выводы Розмыслова,— указаний нет, но, вероятно, были, так как контора над портом,

отвечая губернатору, писала, «что де объявленной сочиненной крестьянином Чиракиным план и назначенной на нем компас по проверке с генеральным атласом не сходен, к тому же и описание тем крестьянином имелось неаккуратное и без показания румбов и промеру и без объявления дистанции, почему за неаккуратностью его в действо произвести не можно».

Очень мало, или совсем не придавая значения сообщенному Чиракиным, ни Архангельская Контора над портом, ни Адмиралтейств Коллегия в Петербурге пока не имели намерения заняться описью Новой Земли вообще, или какой-либо части ее в отдельности. Но Головцын, заинтересовавшись как Новою Землею, так и возможностью открытия пути, через описанный Чиракиным пролив в Обь, начал хлопотать в Петрограде разрешить ему снаряжение экспедиции для описи Маточкина Шара, запросив в то же время купца Бармина» не будет ли у него в оное ново изобретенное место вновь судового отпуску и ежели будет, то когда и с кем именно». Последний же, основываясь на рассказах Чиракина, что на Новой Земле нетрудно отыскать серебро, будто бы находящееся здесь в некоторых местах на поверхности земли, ввиде «некоторой накипи»,— задумал сделать попытку отыскать его, решив послать туда для этой цели свое судно с тем же Чиракиным. Поэтому Головцын получил ответ благоприятный для него, а вскоре также было получено и разрешение из Петербурга.

Для целей экспедиции Бармин построил небольшое трехмачтовое судно, так называемую кочмару (особый тип судна; подымающего до 500 пудов грузу) и, кроме кормщика Чиракина, назначил на нее 9 человек промышленников. Архангельская же контора над портом, исполняя просьбу Головцына, командировала в его распоряжение уже знакомаго нам штурмана Розмыслова, который был назначен командиром кочмары и начальником экспедиции. В помощь ему были даны подштурман Матвей Губин и два матроса.

Интересно заметить, что снаряжение экспедиции почему то держалось в секрете.

В инструкци, данной Головцыным Розмыслову, «для описания и осмотру сысканного Чиракиным через Новую Землю пролива» между прочим говорилось: «И следуя от города Архангельского на оном судне до показанного пролива, вести путь тому по искусству своему с записною румбов, брав пеленги, верный журнал; прибыв к оному Карскому проливу и оной пролив с частями

земли, которую видеть можете, положить на карту, и того пролива глубину измерить и в какой те острова и пролив широте, и за проливом какое положение местам—описать; и буде возможно будет и большим судном пройтить сквозь оной, то и в том старание употребить... На островах близ пролива, сколько возможно Вам и команде, равно-ж Чиракину и всем работникам осмотреть в тонкости, нет ли каких руд и минералов, отличных и неординарных камней, хрусталя и иных каких курьезных вещей, соляных озер и тому подобного, и каких особливых ключей и вод, жемчужных раковин, и какие звери и птицы в тамошних водах, морские животные водятся, деревья и травы отменные и неординарные и, тому подобных всякого рода любопытства достойных вещей и произращений натуральных... Изо всех вещей привесть пробы и о количестве их показать в рапорте.

Если же, по благости Божией и по переходе через оной пролив, по осмотру Вашему, найдется за тем проливом море, мореплаванию способное, и льдов нет, то невозможно-ль будет до устья Оби реки иметь таковыми судами способной проход; все то подробно приметить и описать. А буде расстояние недальнее окажется, то не будете-ль вы в состоянии на оном судне и в Обь реку войти; и ежели препятствия в том не найдется, то с Божьей помощью, склоня к тому пристойным образом кормщика и работников,—до Обского устья, или сколько глубина той реки позволит; а буде не можно, то хотя и до губы вояж предпринять... За тем проливом во время вояжа к устью Оби реки буде увидете, и то обстоятельно описать, какие суда, отколь и куда, и с чем и какими местами ходят... Как небезызвестно вам, что со стороны Российской Империи об открытии пути в Северну Америку многие опыты с великим казенным иждивением чинены и приемлемы были, но оные и по ныне остались еще без желаемого успеху, то егда вы за пролив с Новой Земли в Карское море пребудете, то вы не оставьте, по широте места соображая на карте положение моря, примечание своего сделать, не будет ли способов впредь испытать с того места восприять путь в Северну Америку, что бы льды тому не воспрепятствовали, что все Вам по своему благоразумию и имея довольное в мореплавании искусство, когда Господь вас благополучно возвратит, и подать ко мне письменно... Из всяго ежели Господь благословит, что тот водяной ход с Тобольским и городом Архангельским открыт будет к знатной пользе и приращению коммерции послужит...

Как вы в мореплавании кормщика Чиракина превосходне искуснее, то дабы к желаемому намерению скорее достигнуть могли, к чему и прямейшее и способнейшее мореплавание потребно, то вам правление судном поручается, следственно и за весь тот вояж вам тем судном правление иметь...

Что сие дело в секрете содержать надлежит, а что-б и купец Бармин о том не разглашал же, то и ему подлежащие подтверждение учинено...

О всем плавании подать письменное донесение, а буде, отчего Боже сохрани, паче всякого чаяния жизни бы лишились, то все Ваши журналы, записки по приезде, кто в живых будет, подать ко мне во всякой целости».

В инструкции неверно говорится, что пролив (Маточкин Шар) был «сыскан» Чиракиным,— он был известен промышленникам еще задолго до последнего.

10-го Июня Розмыслов вышел из Архангельска в море и, много раз на пути укрываясь от штормов в становищах, 28 числа вошел в реку Харловку, на Мурманском берегу, у Семи Островов. Запасшись здесь водою, дровами и рыбой, 2-го Августа он вошел в океан, взяв курс на северо-восток к Новой Земле.

В описываемое время у многих новоземельных кормщиков существовал обычай начинать плавание к Новой Земле только от семи островов.

16-го Августа, после бурного тяжелого плавания, Розмыслов вошел в Маточкин Шар и около мыса Бараний встал на якорь, т. к. кормщик Чиракин заявил, что далее этого места по проливу он не бывал, и потому вести судно дальше отказывается. Это принудило Розмыслова, оставя здесь кочмару на якоре, заняться промером Шара, к чему он немедленно же и приступил. К 19 числу доведя промер до мыса Моржевого, лишь около десяти верст к востоку от судна, он вернулся к кочмаре, и отправив в тот же день Губина описывать южный берег Шара к востоку, сам занялся промером его западного устья и определением его мысов, связывая их и берега пролива взаимными пеленгами.

30-го Августа, окончив работы, Губин возвратился на судно, а Розмыслов снова на шлюпке предпринял окончательную опись Маточкина Шара. Скоро достигнув его восточного устья, он увидел отсюда Карское море, совершенно свободное ото льдов, но худые морские качества кочмары и сильная течь ее, не позволяли ему

воспользоваться этим благоприятным случаем попытаться пересечь Карское море.

Жалуясь на плохие качества кочмары Розмыслов пишет в своем журнале, что—«Наше судно противными ветрами ходить совсем необыкло; неспособность оного исвестна и ничего доброго надеяться не можно; сложение оного не дозволяло ни на парусах ходить против ветра, ниже лавировать, ниже дрейфовать; когда оное имеет ветр с кормы, то большой парус нарочито способствует; но если ветр переменился и стал противен, то должно подымать другой малый курс и возвращаться назад».

Возвращаясь обратно к кочмаре, он осмотрел губу Белужью на северном берегу Маточкина Шара, не далеко от восточного устья, и нашел ее удобною для зимовки.

Прибыв к судну, в ожидании попутного ветра, он совместно с Губиным продолжал описные работы в западном устье, а Чиракин с промышленниками в это время разбирал и грузил на судно стоявшую здесь на берегу избу.

Дело в том, что взятая Розмысловым изба из Архангельска была мала для помещения всей команды.

6-го Сентября с попутным ветром он пошел к восточному устью и на другой день вошел в Белужью губу.

Приближалась зима, морозы увеличивались с каждым днем, погода стояла бурная, ненастная. Видя, что в этом году уже невозможно заниматься какими-либо описными работами, Розмыслов решил устраиваться на зимовку. Избу, привезенную из Архангельска, он поставил в Белужьей губе, а взятую в западном устье Шара,—на Дровяном мысу, на южном берегу Шара, ближе к Карскому морю, надеясь иметь здесь лучшие промыслы. В каждой избе поместилось по 7 человек,—при чем сам Розмыслов поселился в Белужьей губе, а Чиракин на Дровяном мысу. Последний в это время уже был болен.

20-го сентября Маточкин Шар покрылся льдом, а 1-го Ноября в целях сохранения в избе тепла и уменьшения сырости, были заколочены окна. В этот же день они последний раз видели солнце,—наступила полярная ночь.

Отмечая об этих событиях в своем журнале, Розмыслов пишет следующее:—«закопопатили избные окна от нестерпимости больших снегов и крепких ветров, и при том солнце скрывши свои лучи под горизонт и не делает уже дневного света».

17 ноября зимовщики понесли первую утрату—умер кормщик Чиракин; других больных в тоже время было два человека.

Чем дальше шла зима, тем тяжелее становилась она для зимовщиков, тем большее число их заболевало. Страшный бич полярных стран—цынга неумолимо преследовала зимовщиков. Сильнейшие вьюги, иногда заносившие снегом их избу почти наравне с крышей, и холод причиняли им много мучений. В избах держался беспрерывный огонь и от происходящего от него угара и тесноты изб вообще, воздух в них был спертый, почему все страдали большою слабостью и стеснением в груди. Частые-же непогоды иногда не позволяли выходить на воздух по несколько дней. Отсутствие дневного света тяжело всех угнетало.

Как шла их жизнь зимою, лучше всего покажут следующие выписки из журнала Розмыслова.

Так 24 января он отмечает—«Трудных работников два человека; да и прочие имеют не малую тесноту в грудях, ибо крепость ветра и вьюга снежная не допускают сделать прогулки за десять сажен».

31 января. «Один из работников, живших на Дровянном мысу, увидя на северном берегу стадо оленей, вознамерился итти, дабы получить, сколько из оных Всевышний определить изволит; и по отбытии его, через малое время, сделался вдруг жестокий ветр и курева, которой закрыл своей темнотой глаза, дабы видеть человека за десять сажен; отчего наш определенный к смерти промышленник через сутки уже назад не возвратился, отчего и положили считать его в числе мертвых без погребения».

Описывая зиму вообще, он сообщает, что она «происходила весьма крепко морозна, снежна и вихривата; ветры беспрестанные почти все от NW; снеги весьма глубоки, так что жилище наше занесено было двойным снегом, сколь оная высоты имела. И беспрестанная ночь при нас находилась ноября с первого, февраля по первое число; и так в помянутых трех месяцах мы уже не находили света не мало и думали протчия, что уже не лишились-ли дневного света на веки».

«17 апреля... С полуночи шторм от SW, слякоть и временно дождь. На последок сильный град, величиною с половину фузейной пули и продолжался до полуночи».

«23 апреля... Умер один работник на Дровянном мысу».

«17 мая—всех больных с Дровянного мыса Розмыслов взял к себе для вспоможения в их болезни».

«22 мая... От NW жестокой ветр, которым с высоких гор наносило тяжелой горькой воздух на подобие от дыму. Умерло два работника, и двое тяжело больны».

«30 июня... По Шару видно, что от дождей и с гор сильно шумящими ручьями воды толстоту снега весьма убавило».

В половине июня месяца Розмыслов вышел по льду для окончания описи берегов пролива, «оставя в зимовье на милость Сына Бога Всевышнего двух своих больных».

Около половины Июля Шар начал очищаться ото льда. Кочмара, освобожденная от него, многими местами сильно текла, так что два раза в сутки приходилось отливать из нее воду. В конце концов вытащив ее на берег, сколько позволяли силы, начали ее ремонтировать. Вырубая «гнилые» места, они заделывали их, заполняя пустоты оригинальным цементом «густою глиной, смешанною со ржаными отрубями», а в иных местах только конопатили. Но и по окончании ремонта течь кочмары «не весьма успокоилась».

Когда 2 августа Маточкин Шар совершенно очистился ото льда,—кочмара уже была готова к плаванию, и Розмыслов в тот же день вышел на ней в Карское море, также освободившееся к этому времени от ледяного покрова, имея здоровых лишь четыре человека команды и сам будучи болен. Правда, теперь и экипаж его кочмары состоял только из пяти человек матросов и помощника Губина,—остальные семь человек умерли во время зимовки.

Выйдя в Карское море, Розмыслов имел намерение пересечь его в восточном направлении, для измерения расстояния между Новою Землею и противолежащим берегом полуострова Ямала, что предписывалось ему инструкцией.

Отойдя от Шара миль 35, вечером 3 августа он встретил на пути непроходимую массу льда «между которою, как он пишет, сверху мачты, водяного проспекта, также и берега не видно. Между тем судно льдами повредило и сделалась в нем немалая течь; чего для, согласно положили, дабы с худым судном не привесть всех к напрасной смерти, повернуть по способности ветра к проливу Маточкину Шару».

На-другой день, 4 числа, он в тумане снова увидел берег Новой Земли, и в нем разлог, принятый им за устье Маточкина Шара, но, как оказалось потом, это была какая-то губа к северу от пролива. Войдя в нее он увидел свою ошибку, но продолжать дальнейшее плавание к Шару пока не мог из-за наступивших

штилей. Вновь открытой им губе Розмыслов дал название залива Незнаемого.

Он простоял здесь до 6 числа, когда попутный ветер позволил ему плыть к югу. По дороге 7-го, умер еще один из промышленников, восьмой по счету, и был похоронен в море.

8 августа он вошел в настоящий Маточкин Шар и, пройдя к западному устью, встал на якорь около речки Маточки; кочмару опять необходимо было чинить; теперь, после встречи со льдами, она стала еще более ветха и неблагонадежна.

Вслед за Розмысловым, вскоре же пришла сюда лодья Кемского помора Макара Водохлебова, под управлением кормщиков Лодыгина и Ермолина. Последние видя ужасное состояние кочмары Розмыслова, и при том с больною командою, уговорили его ради своего спасения перебраться на их судно. Следуя советам и уговорам этих великодушных людей Розмыслов покинул свою кочмару.

Мотивируя оставление им ее, он пишет в журнале, что — «ибо уже на утлом судне чрез обширность моря пускаться не можно, которое по закону приговорено, что можно получить самовольную смерть и назваться самоубийцами».

Лодыгин и Ермолин простояли в Шару до 25 августа,—они грузили свой промысел, а Розмыслов снимал с кочмары все, что было можно и имело смысл брать.

Выйдя из Шара 25 числа, 27 они встретили густые льды, сквозь которые с трудом пробирались до вечера следующего дня; выйдя из них, и уже не встречая более на своем пути, 31 августа они достигли Семи островов, и в тот-же день губы Порчнихи, где встали на якорь. Задержанные здесь противными ветрами до 2 сентября, они продолжали плавание далее и 8 сентября благополучно прибыли в Архангельск.

Экспедиция Розмыслова своими результатами не удовлетворила ни той, ни другой стороны снарядивших экспедицию.

В отношении описи берегов Новой Земли было сделано очень немного. Был описан лишь Маточкин Шар, измерена его длина в 42 мили и определена географическая широта. Первое было сделано очень обстоятельно и точно, но широта, полученная из пятикратных наблюдений, была определена с ошибкою, — на 20′ более истинной. Последнее, как полагают, произошло исключительно от большой погрешности инструмента (квадранта) употреблявшегося Розмысловым при наблюдениях. Съемку берегов Шара он производил астролябией. Кроме карты Маточкина Шара он

представил карты двух становищ Мурманского берега, карту от Семи островов до Новой Земли, Описной и Морской журналы.

Ни серебра, ни каких других драгоценных металлов Розмыслов не нашел на Новой Земле. Все разговоры, что оно находится здесь на поверхности земли «ввиде некоторой накипи», были конечно лишь плод досужей фантазии новоземельских промышленников. Тщательно осматривая, как берега Маточкина Шара, так и горы его окружающие, он не видал там, как пишет Розмыслов, «никаких отменностей и курьезных вещей, например как руд, минералов, отличных и неординарных камней и соленых озер и тому подобных, а особливо ключей вод и жемчужных раковин».

Чиракин рассказывал Розмыслову, что где то на южном берегу есть небольшой камень необыкновенной красоты, искрящийся на солнце всеми цветами радуги, и он ходил искать его, но— «множество их обошед, и не один кроме своего дикого цвета, ни какой отмены не показал; и так его оболганье явно видится, ибо как, по его объявлению, почти за алмаз почитаемый камень, мог бы скорее и легче в пользу получить, нежели свои трудные промыслы употреблять. Горы Маточкина Шара, осмотренные Розмысловым, по его мнению, состоят «из мелких и крупных плитных камней, имеется на многих и трухлой аспид». На горах-же он нашел много озер, где водится рыба, но ловить ее им, «за неименем к тому сетей, было не можно».

Описывая климат Новой Земли, он сообщает, что лето там длится всего один месяц август и несколько дней сентября, после чего сразу наступает зима, а говоря о растительном мире Новой Земли, пишет, что—«растущих дерев весьма не имеется, да и травам за беспрерывною зимою никаким расти не можно; но хотя изредка и находили выходящую из под снега траву, называемую зверобой и салат, но какую оные имеют силу неизвестно».

Таким образом Розмыслову принадлежит честь быть не только первым гидрографом Новой Земли, но и честь первого исследователя ее в геологическом и естественном отношениях, конечно насколько он мог произвести их, сообразно его скромным познаниям в этих науках.

После экспедиции Розмыслова уже не предпринималось более попыток со специальною целью отыскать на Новой Земле золото и серебро.

После него, в течение почти сорока лет, Новую Землю посещали только одни промышленники.

Поспелов.

В 1807 году, по мысли покровителя полярных исследований русского государственного канцлера графа Румянцева, была отправлена на Новую Землю экспедиция, для исследования ее минеральных произведений и выяснения возможности развития на ней горнопромышленного дела.

Для нужд экспедиции Беломорской Торговой Компанией был дан находившийся в Коле тендер «Пчела» в 35 тонн. Командиром его был назначен штурман 9 класса в отставке Поспелов, а экипаж тендера составляли 8 человек матросов и мезенский кормщик Мясников.

Начальствование над экспедицией поручалось горному чиновнику Лудлову, имевшему с собою двух горных работников.

7 марта Поспелов выехал из Архангельска в Колу и 21 уже был там, куда вслед за ним вскоре прибыл и Лудлов.

Поспелов нашел тендер хотя и удобным для плавания, но в невозможном беспорядке; он имел большие повреждения, многого из такелажа и рангоута не хватало, и в добавление ко всему тендер лежал под берегом на камнях, затертый льдом и занесенный снегом.

С большими трудностями, положив много труда, он все-же привел его в порядок и годное состояние для плавания, закончив работы в половине июня месяца. Многие необходимые для ремонта и вооружения тендера материалы и предметы пришлось ждать, пока они были получены из Архангельска на частной ладье.

29 июня тендер вышел из Колы, но, встреченный штормом уже в океане, повернул обратно и укрылся в Семи островах.

Выйдя отсюда в океан вторично 11 июля и не встречая на пути льдов, 17 числа тендер вошел в южное устье Костина Шара и встал здесь на якорь. Лудлов съезжал для исследований на остров Междушарский и нашел его состоящим из сланца, покрытого тундрой, не обнаружив на нем ни малейших признаков каких-либо руд.

19 июля тендер пошел Костиным Шаром на север, но вскоре же, встреченный противным ветром, остановился за островом Ярцовым, где простоял до 28 числа. Выйдя в этот день из Костина Шара, тендер направился далее к северу и 1 августа вошел в Маточкин Шар, остановясь на южном его берегу в губе Староверской.

Отсюда Лудлов ходил на шлюпке в губу Серебрянку, которая, по данной ему инструкции, составляла главный предмет его исследований. Обойдя все берега ее до самой границы снегов, он не нашел «ни малейших слодов производства здесь когда-то (как говорило предание) горных работ и ни малейшего вида серебряных руд, а только нечаянно увидел на поверхности кусок свинцового блеска, в 3000 пудах которого находилось может быть три золотника серебра». По мнению Лудлова, эта губа получила свое название отнюдь не от присутствия в ея горных породах серебра, а, вероятно, от пород, состоящих из талькового сланца, слюды и так называемого «кошачьего серебра», имеющего наружное сходство с подлинным серебром.

По возвращении из губы Серебрянки, Лудлов осмотрел часть южного берега Маточкина Шара, найдя здесь серу и медный колчедан, содержащийся в руде в незначительном количестве.

Он полагал также, что здесь возможно присутствие малахита,—краснвого и дорогого камня. Существовавшее относительно Новой Земли мнение, что она является продолжением Уральского хребта, Лудлов отверг.

17 августа работы были окончены и тендер вышел в океан. Заходя во время плавания Белым морем в разные становища, укрываясь от штормов, тендер благополучно прибыл в Архангельск 5 сентября.

За время плавания у Новой Земли, Поспелов, не имея помощников и времени, которым он мог-бы располагать для описных работ, хотя и не мог сделать полной описи виденного им берега, однако произвел съемку некоторых его частей и определил широты некоторых пунктов, в том числе и Костина Шара. На основании своих работ он составил «изрядную» карту новоземельского берега от Костина Шара до Маточкина, с видами усматриваемых с моря горных хребтов, и ясно представлявшими общую картину их. Карту и все журналы, касавшиеся плавания тендера, он представил в Управление Беломорской Компании, но последняя, к сожалению, затеряла их, и поэтому труды Поспелова не были использованы.

Из приведенного обзора путешествий к Новой Земле можно видеть, что карта западного берега ее могла быть составлена лишь на основании описей, произведенных Баренцом, Розмысловым и Поспеловым.

Из них Баренц описал весь западный берег, начиная от Ледянной Гавани до Саханских островов, Розмыслов первый составил опись Маточкина Шара и определил его географическую широту, а Поспелов описал некоторые части берега от Костина Шара до Маточкина и определил широты нескольких пунктов. Но так как работы Поспелова не были использованы должным образом, то карта западного берега Новой Земли могла быть составлена лишь по описям Баренца и Розмыслова.

Хотя географическое положение Новой Земли и многие береговые пункты на ней были определены Баренцом довольно, а во многих случаях и очень точно, но общий вид берегов ее и положение их на карте значительно расходилось с их действительным видом и положением.

Но все описи, как замечено выше, касались только западного новоземельского берега, а весь восточный в этом отношении попрежнему оставался все еще не тронутым, и поэтому составить полную карту Новой Земли не представлялось возможным.

Кроме карт, составленных на основании работ Баренца и Розмыслова, существовало много других карт Новой Земли, изданных на разных языках, разными лицами и в разное время, но они в сильной степени разнились как от предыдущей, так и между собою, и представляли иногда Новую Землю в грубо извращенном виде, не говоря уже о высшей степени неверном ее географическом положении вообще. Так, например, Маточкин Шар показывался в широте 75° или $74^1/_2$°, вместо 73°25 и имел длину в 160 миль, против действительных 45; мыс Желания, определенный Баренцом под широтою 77° был положен на них под 78°; ширина Карских ворот с 26 миль была уменьшена до 4-х и т. д. Что-же касается восточного берега, то он полагался на картах каждым издателем произвольно.

В добавление ко всему, они внесли такую путаницу в картографию Новой Земли вообще, что невозможно было решить, какую из них считать более точною и верною. На многих из них совершенно не указывалось даже по каким источникам она была составлена.

Таким образом, несмотря на свою более, чем шестисотлетнюю известность вообще и более чем двухсотлетний период посещения ее мореплавателями почти всех наций, в частности Новая Земля до начала XIX столетия все еще была до некоторой степени, так сказать, «Terra incognita»—Неизвестная Земля.

Лазарев.

Признавая необходимым и нужным иметь полную и возможно точную карту Новой Земли, русское правительство решило снарядить в 1819 году для описи ее специальную экспедицию.

Для этой цели был дан уже старый бриг «Кетти», переименованный в «Новую Землю», мало приспособленный для плавания в высоких полярных широтах и во льдах. Экипаж его состоял из 44 человек.

Руководство экспедицией и командование бригом было поручено лейтенанту флота Лазареву.

Инструкцией, данной ему на предмет производства работ у Новой Земли,—предписывалось описать западный и восточный берега ее, остров Вайгач и определить на пути, вперед или обратно, географическое положение острова Колгуева и Канина Носа, причем работы предлагалось вести сразу тремя партиями, а именно: встав судном экспедиции у южной оконечности Новой Земли, отправить две шлюпки к северу для описи восточного и западного берега до Маточкина Шара, а третьей поручить опись острова Вайгача. Бриг же в конце июля должен пойти вдоль западного берега до Маточкина Шара и, пройдя им в Карское море, пересечь его в восточном направлении до острова Белого, у северной оконечности полуострова Ямала. От него направиться к северной оконечности Новой Земли, обогнуть ее и, соединяясь с отряженными шлюпками в Маточкином Шаре, или где нибудь в другом месте,—вернуться в Архангельск.

В случае-же позднего выхода из Архангельска, итти прямо к Маточкину Шару и отправить отсюда к югу для описи западного и восточного берега по шлюпке, соединяясь с ними у южной оконечности Новой Земли, возвращаться обратно в Архангельск.

Из описанной инструкции видно, что экспедиции ставилась задача слишком обширная, даже невыполнимая и в наше время. Это было следствием незнания условий плавания в этой части Ледовитого океана и в Карском море вообще и полного отсутствия каких-либо сведений о ледяном режиме их в частности.

Бриг был хорошо снабжен всем необходимым, а на случай зимовки имел в разобранном виде избу.

Выйдя из Архангельска 10 июля, Лазарев, пройдя мимо Моржовца и вдоль Канинского берега, 16 числа миновал Канин Нос. Вступив в океан, он вскоре-же встретил льды, преградившие

ему путь к южной оконечности Новой Земли. Расчитывая, что продолжительные северные ветры, стоявшие до этого, должны очистить ото льдов северные новоземельские берега, он решил пойти отсюда прямо к Маточкину Шару и начать работы уже от него. Но, подвигаясь вперед и встречая на пути массы льда, все более и более плотные, он опять изменил свой план, решив пойти к Колгуеву, который скоро и увидел. Прокрейсировав некоторое время в виду его и определив с моря его северо-западную оконечность, Лазарев вновь пошел к южной оконечности Новой Земли. Но, как и раньше, опять встреченный льдами, он с большими трудностями пробирался сквозь него в желаемом направлении в продолжении 11 дней. 19 июля он увидел южный берег Новой Земли, но не будучи в состоянии подойти к нему из-за льдов, пошел к Костину Шару, но встречный шторм вернул его обратно, и 25 числа он подошел к Никольскому шару, на этот раз сравнительно свободному ото льдов, однако, последние через день снова появились в большом количестве. Испытав неудачу, постигшую его здесь и на этот раз, он опять пошел к Костину Шару, но также неудачно, как и прежде—мешал лед. Тогда он пошел к Маточкину Шару. Пасмурная и туманная погода, все время сопровождавшая его, не позволяла подойти к берегам, и он мог определить лишь один Кармакульский мыс. Пройдя на север до $73^{3}/_{4}^{\circ}$ и опять встретив лед, Лазарев шесть дней стремился пробиться сквозь него к Маточкину Шару и, наконец, убедясь в невозможности достигнуть цели, повернул к югу.

Необходимо заметить, что команда брига в это время уже настолько страдала цингой, что едва можно было управлять судном.

Убедясь в невозможности достигнуть берегов Новой Земли, плотно окруженных льдами, и имея почти половину экипажа брига больной, 9 августа, на общем совете, было решено прекратить дальнейшие попытки и итти в Архангельск.

Все время борясь с противными ветрами, часто достигавшими степени шторма, лишь 3 сентября бриг вернулся в Архангельск. Половина команды его была больна цингой, а трое из нее умерли еще на пути сюда.

Экспедиция Лазарева была совершенно неудачна.

Весь результат плавания ее сводился лишь к астрономическим определениям нескольких пунктов Новой Земли, северо-западной оконечности острова Колгуева, Канина Носа и к при-

ведению в ясность того, что многие пункты Новой Земли на прежних картах были обозначены почти на 90 миль восточнее, чем следовало.

Другие ничтожные сведения, касавшиеся гидрографии Новой Земли, доставленные экспедицией, не заслуживали доверия. Так, например, высота приливов в некоторых местах показывалась до $7^1/_2$ сажен, тогда как в действительности приливы на Новой Земле не превышают 4 фут.

Главными же причинами неудачи экспедиции были льды, все время плотно окружавшие Новую Землю, частые штормы и болезнь команды брига, развившаяся на почве плохого и тесного устройства жилых помещений на нем. К тому-же выйдя из Архангельска слишком рано, экспедиция подошла к Новой Земле как раз в то время, когда последняя почти никогда не бывает свободна ото льдов и, наоборот, ушла от нее, когда она обыкновенно только что очищается от них. Безпрерывное крейсерство брига во льдах и лавировка только утомляли команду.

Литке.

Первое плавание в 1821 году.

Несмотря на неуспешность плавания лейтенанта Лазарева в 1819 году и тем более учитывая обстоятельства и причины, вследствии которых оно было неудачно, русское правительство продолжало неуклонно преследовать намеченную им цель-гидрографического исследования Новой Земли.

Специально для вновь снаряжаемой экспедиции был построен в Архангельске бриг «Новая Земля», вместимостью в 200 тонн., имевший 80 ф. длины 25 ф. ширины и осадку 9 фут., при чем набор его был сделан сплошным, а подводная часть скреплена и обшита медью. Бриг имел такое устройство, что в случае вынужденной зимовки, на нем можно было провести зиму. Строил его известный в то время в Архангельске корабельный мастер Курочкин.

Начальствование над экспедицией и командование бригом было поручено молодому, 25-ти летнему, талантливому моряку Лейтенанту Федору Петровичу Литке, только что вернувшемуся из кругосветного плавания.

В инструкции, данной ему, относительно задач экспедиции говорилось: «Цель препоручения, Вам делаемаго, не есть подроб-

ное описание Новой Земли, но единственное обозрение на первый раз берегов оной и познания величины сего острова, по определению географического положения главных его мысов и длины пролива, Маточкиным Шаром именуемого,—буде тому невоспрепятствуют льды или какие другие важные помешательства». За тем указывалось, каким образом должна действовать экспедиция, в случае сложения неблагоприятных обстоятельств, дабы можно было полнее использовать время, в смысле определения большого числа приметных мест, а при съездах на берег не упускать случая производить опись его. Далее следовали указания общего характера, как поступать в случае вынужденной зимовки, а относительно продолжительности пребывания экспедиции у Новой Земли вообще, в инструкции говорилось следующее: «Судя по состоянию судна и здоровью экипажа, можете пробыть у Новой Земли пока время позволит, а потом возвращаться в Архангельск. Впрочем не отнимается у вас воля в сем отношении поступать по собственному Вашему усмотрению, но ни в каком однако случае не должно вам оставаться там на зимовку».

Таким образом мы видим, что цели настоящей экспедиции были значительно менее обширны, чем предыдущей,—главной задачей Литке было определение географического положения Новой Земли и измерение длины Маточкина Шара.

В первых числах Апреля месяца Литке прибыл в Архангельск, привезя с собою все нужные для экспедиции инструменты, карты и книги.

Бриг в это время вооружался в Лапоминской гавани. Экипаж его состоял из 44 человек, считая и начальника экспедиции.

Приготовления брига к плаванию были закончены в половине Июля. Он был снабжен всем необходимым на 16 месяцев, при чем Литке, по возможности, старался все предусмотреть дабы избежать заболевания команды цингою.

Рано утром, 14 Іюля, бриг снялся с якоря у Соломбальского рейда, но в тот же день должен был встать на якорь в Корабельном рукаве, встретив неблагоприятный ветер. 15 числа бриг снова начал плаванне, и в тот же день вышел за бар.

29 Июля, находясь в счислимой широте 69°20′ и долготе 42°40′, был взят курс на северо-восток к Новой Земле, а 31 числа в приближенной широте $71^1/_2$° и долготе $47^1/_2$° встретили первый

лед, сначала редкий, а потом густыми массами, и Литке повернул на юг, надеясь обойти его с этой стороны и таким путем скорее достигнуть южных берегов Новой Земли.

Беспристанно лавируя к югу то из-за льдов, то встречая неблагоприятные ветры, 4 августа бриг снова пошел на север; сначала лед был очень редкий, но вскоре же стал встречаться плотными массами, а на другие сутки уже опять заставил повернуть на юг. Этим курсом бриг шел до 7 числа, несколько раз пытаясь плыть на север, но все также безуспешно,—льды преграждали дорогу, 7 августа ледъ значительно поредел, и Литке повернул на север, все время лавируя, хотя и не много, но подвигался вперед.

Наконец, 10 числа, вечером, увидели с салинга южный берег Гусиной Земли, но подойти к нему мешал лед.

Таким образом достигнув Новой Земли, лишь через месяц трудного плавания,—для производства работ оставалось уже очень мало времени. Было очевидно, что и этот год также один из неудачных для плавания у Новой Земли.

Прокрейсировав некоторое время в виду открывшегося берега, в надежде, что лед разредится или будет отнесен ветром, но, не видя никакого изменения в состоянии его в продолжении нескольких суток, бриг опять начал лавировать к югу, расчитывая, что южный берег скорее очищается ото льдов, чем к северу лежащие.

14 Августа, приблизительно на параллели Карских ворот, был усмотрен на северо-восток, берег но как и прежде, между ним и бригом была непроходимая масса льда.

Окончательно потеряв надежду достигнуть Новой Земли в этой части ее, и видя, что лед преграждает доступ к ней начиная от самой южной оконечности до параллели 72°,—Литке решил начать свои исследования севернее этой параллели, и 15 Августа пошел на северо-запад, обходя встречаемые на пути массы льда.

Разыгравшийся 18 числа сильный северный шторм со снегом бриг, имея хорошие морские качества, легко выдерживал. Этот первый серьезный шторм, как пишет Литке, «доставил нам случай узнать хорошие морские качества нашего брига, который под зарифленными грот-марселем, бизанью и фок-стакселем, был так покоен, не взирая на великое волнение, что мы легко могли

даже обедать, по обыкновению, кругом стола». За время шторма бриг отдалился от берега на 80 миль.

По стихнувшем шторме снова пошли на север и, достигнув к 22 Августа широты почти 73°, увидели берег с высокой приметной горой. Отсюда бриг пошел на север вдоль берега, держась от него на значительном расстоянии, опасаясь прибрежных, а в иных местах, и далеко выступающих в море рифов. Иногда приближаясь к берегу, они видели на них страшные буруны. Льдов же не было видно ни в каком направлении.

Подымаясь к северу, Литке имел целью достижение Маточкина Шара, но держась на далеком расстоянии от берега и не имея под руками хороших карт, а напротив такие, которые мало отвечали действительному виду и положению берегов Новой Земли, он прошел Маточкин Шар, не заметив его. Осматривая берег, он не встретил ни одного места, которое можно было бы принять преимущественно перед другими за устье большого пролива. На всем протяжении скалистые, частью покрытые снегом, горы подходили вплотную к берегу. Все встречавшиеся бухты оказывались сплошь окруженными им.

Достигнув к 25 Августа губы Машигиной в широте $74^{3}/_{4}^{\circ}$, т.-е. широты, которая превосходила на $1^{1}/_{2}^{\circ}$ широту Маточкина Шара, определенную Розмысловым, Литке обратился назад к югу, опять отыскивая устье пролива, но с столь-же малым успехом, как и прежде. И также, как и на пути к северу, все время стоявшие свежие ветры не всегда позволяли держаться так близко к берегу, как это было необходимо для тщательного осмотра.

Так как время было уже позднее, и Литке, не посмев рискнуть еще раз подняться к северу, направился вдоль берега на юг, определяя, как и раньше, приметные с моря горы и мысы и ведя опись берега. Подойдя на близкое расстояние к последнему у мыса северного Гусиного, бриг два раза с силою ударило о неизвестный камень. Сейчас-же привели к ветру и «добрый бриг рассекая довольно легко сильную противную зыбь, удалился от опасности».

Пройдя с описью до Костина Шара и встретив здесь лед, 29 августа бриг пошел в Архангельск, куда благополучно прибыл 11 Сентября, не имея ни одного больного.

Результаты, достигнутые экспедицией, были незначительны.

Причиною неуспеха были, главным образом, льды, все время державшиеся у южного и юго-западного берега Новой Земли, а также и ошибочный расчет. Было потрачено почти три недели времени только на то, чтобы достигнуть южных берегов Новой Земли, из ложного убеждения, что северные в таком случае должны быть тем более недоступны. Совершенно не было известно и упускалось из виду то, что как раз именно здесь, в любое время и в любом количестве, льды могут появиться из Карского моря, гонимые сюда ветром и течением, тогда как более северный берег, раз освободясь ото льдов, более или менее уже всегда бывает чист от него. Так было и в этот год перейдя параллель 72°, далее Литке уже не встречал их.

Будучи заинтересован, почему мог он пропустить два раза Маточкин Шар, Литке, по возвращении в Архангельск, повидал, еще бывшаго тогда в живых и проживавшего в Соломбале, старого штурмана Поспелова, плававшего в 1807 году на Новую Землю с Лудловым. Поспелов познакомил его с составленной им картой и видами берегов. Первая и вторые были выполнены так хорошо и точно, что Литке сразу же узнал все осмотренные им части берега к югу от Шара, и теперь ему стало ясно, что неудача, постигшая его в розысках Маточкина Шара, произошла исключительно из-за неточностей бывших у него под руками карт и еще более неверных изображений видов устья Шара с моря.

Второе плавание в 1822 году.

Начатую в прошлый год опись Новой Земли Литке было поручено продолжать и в 1822 году.

На этот раз ему ставилось попутной задачей описать некоторые становища и рейды Мурманского берега, употребив на это время сначала навигации до исхода июля месяца, после чего уже итти к Новой Земле.

Попутно заметим, что карты того времени Мурманского берега, употреблявшиеся моряками, были далеко неудовлетворительной точности, очень мало имели сведений и очень мало соответствовали действительности. Так, например, Рыбачий полуостров был показан на них островом.

Собственно карт Мурманского берега была лишь одна генеральная, составленная в 1800 г. генералом-майором Голенищевым-Кутузовым, при чем берег Мурманский и Норвежский были взяты

и положены на ней из старинного голландского морского атласа Ван-Клейна, известного под названием «Зи-Факела», с поправкою широт и долгот некоторых пунктов, по наблюдениям последнего времени, и вмещены на нее описи некоторых мест, произведенные лейтенантом Винковым в 1741 году и контр-адмиралом Хмелевским в 1779 году.

Инструкция касательно работ экспедиции у Новой Земли в общих своих чертах оставалась прежней; предлагалось лишь, если позволят обстоятельства, постараться обогнуть Новую Землю с севера, со стороны Карского моря, пройдя в него Маточкиным Шаром, а также убедиться, существует-ли остров Витсен, показанный на некоторых старинных картах Новой Земли к западу от нее.

В подробностях-же инструкция была разработана значительно шире, чем предыдущая. Например, в ней указывалось, что «Как вы плавать будете в Ледовитом море, замечания вами должны простираться на свойство видимых вами льдов, речные-ли они или полярные, что познается по виду, толщине и величине их. Записывать четыре раза в сутки воздушные перемены, возвышение и понижение барометра и теплоту и стужу по термометру, и вообще записывать все, что служит к распространению знаний человеческих».

Прибыв в Архангельск 31 марта Литке немедленно-же приступил к снаряжению экспедиции. Для нужд ее был дан тот-же бриг «Новая Земля».

В половине июня месяца все приготовления были закончены, и 21 числа бриг вышел в море, а 27 уже вошел на Иоканский рейд.

Закончив работы на Мурмане к 5 августа, бриг вышел в океан, взяв курс на северо-восток, к Новой Земле. Состояние ветра и моря благоприятствовало плаванию. На пути Литке убедился в несуществовании острова Витсена. Рано утром 8 августа, находясь на параллели 73°, был усмотрен берег с тою-же высокою и приметною горою, которую они увидели прежде всех и в прошлом году. Теперь Литке назвал ее горою Первоусмотренною. Льдов нигде не было видно.

Следуя вдоль берега на север в расстоянии около 3-х миль и имея теперь под руками карту с видами берега, составленную Поспеловым, Литке легко узнавал все показанные на ней части берега, мимо которых он шел, губу Безымянную, Грибовую,

остров Паньков перед Маточкиным шаром и наконец самое устье его, но начавшийся туман помешал войти в него, и хотя он вскоре же рассеялся, но бриг, находясь уже к северу от Шара, продолжал плавание далее; Литке решил заняться описью его на обратном пути. Не встречая льдов, бриг 9 августа прошел все осмотренное в прошлое плавание пространство берега, в тот же день достиг полуострова Адмиралтейства, принятый Баренцом за остров, 10-го прошел Горбовые острова, а 11-го числа, рано утром, при ясной погоде, увидели круто опускающийся в море мыс, покрытый снегом.

Не видя, что-бы берег от этого мыса продолжался далее к северу или к востоку, а, наоборот, сейчас-же за ним заворачивается к юго-востоку,—Литке принял его за северную оконечность Новой Земли,—мыс Желания, тем более, что и полученная из наблюдений широта мыса 76°34′ почти точно совпадала с широтою его на некоторых старых картах Новой Земли, имевшихся у Литке под рукою. Но на одних мыс Желания был положен в широте 76°30′, на других в широте 77°, а на третьих под 78°. Между тем из всех мореплавателей, посетивших Новую Землю до сего времени, мыс Желания был определен лишь одним Баренцом, но, которая из приведенных широт была его, ни на одной из карт не указывалось. Литке знал только Баренцову широту мыса Ледяного—77°, а в описании плавания этого моряка имелись указания, что мыс Ледяной лежит почти на одной параллели с мысом Желания. А так как разница в широтах в данном случае была меньше полуградуса, то Литке рассуждая, что такое расхождение очень легко могло произойти от неточности приемов и инструментов, употреблявшихся Баренцом, допускал, что достигнутый им мысь есть мыс Желания. В действительности же это был мыс Нассау. Нынешний мыс Литке был принят им за мыс Ледяной, а острова между ним и мнимым мысом Желания за острова Оранские, названные впоследствии Литке островами Баренца, «коего имя доселе не украшало еще карт Новой Земли». Вообще сходство этой части берега с северною оконечностью Новой Земли еще более способствовало заблуждению Литке, а масса плавника как раз в это время находившегося здесь, еще более утверждало его в ошибке, т. к. ему было известно, что плавник, более, чем где либо на Новой Земле, находится у северной ее оконечности. Из описания же Баренца, в этом месте весьма поверхностного, нельзя было вывести сколько-нибудь достоверного

заключения о настоящем положении части видимого берега. Возникнувшее сомнение могло бы разрешиться обходом самого мыса, но, как увидим ниже, этому помешали льды.

На следующий день пребывания здесь брига погода значительно изменилась к худшему. Стоял штиль, иногда легким ветром наносило туман, а в скором времени показались значительные массы льда. Они и большая зыбь, катившаяся с запада, не позволили выехать на берег и осмотреть его подробнее.

Описывая впечатление, которое он произвел на них при осмотре его с брига, Литке пишет следующее: «Пустота, тут нас окружавшая, превосходит всякое описание. Ни один зверь, ни одна птица не нарушали кладбищной тишины. К сему то месту можно по всей справедливости отнести слова стихотворца:

И, мнится, жизни в той стране
От века не бывало.

Чрезвычайная сырость и холод вполне соответствовали такой мертвенности природы». Особенная прозрачность воды океана в сем месте также поразила Литке, он определил ее, найдя достигающею до 13 сажен.

Попеременно, то штили, то легкие противные ветры задержали бриг у мыса до 15 числа. С сожалением, что не пришлось проникнуть в Карское море, с начавшимся свежим северо-западным ветром Литке пошел к югу и 17-го числа вошел в Маточкин Шар.

Инструкцией ему предписывалось определить географическое положение этого пролива, а если окажется возможным, то послать гребные суда для описи берега к северу и к югу от восточного его устья, но последняя работа уже не могла быть выполнена за поздним временем, и поэтому Литке ограничился лишь определением географического положения западного устья Шара. Он нашел широту его на 20′ меньше, против определенной Розмысловым, а что касается карты пролива, составленной последним, то она оказалась точно отвечающей действительности.

Между прочим, доискиваясь происхождения слова «Шар», Литке говорит, что новоземельские кормщики называют Шаром лишь проливы, имеющие направление поперек острова или материка, и соединяющие при этом два разных моря. Проливы же отделяющие острова от материка, но не соединяющие морей, называются салмой. Поэтому, как пишет он, Костин Шар, по

словам одного кормщика «называется Шаром только с шали, а по настоящему это Костина салма». «Шальной»—на языке поморов, значит—сумасшедший, глупый.

Выйдя из Маточкина Шара 21 августа, Литке пошел вдоль берега к югу с описью и довел ее до южного Гусиного носа. Погода все время благоприятствовала производству работ, лишь изредка мешали туманы. Встреченный у Гусиного Носа крепким юго-восточным штормом, бриг несколько суток держался в виду берега, в ожидании улучшения погоды, но последняя не только не менялась в лучшую сторону, а, напротив, с каждым днем становилась хуже. В виду этого, а также и позднего времени, Литке решил пойти в Архангельск, и 31 августа бриг взял курс на юго-запад.

Выйдя на вид Канина Носа 3 сентября, вступили в Белое море; попытка определить Канин Нос не удалась,—помешала пасмурная погода.

Разыгравшийся к этому времени жестокий северо-западный шторм быстро нес бриг. Миновав мыс Терский-Орлов утром 3 сентября, на другой день, вечером, бриг подошел к Березовому Бару и за темным временем встал на якорь. 6 Сентября, рано утром, снявшись с якоря он вошел в реку, а в полдень встал на якорь на Соломбальском рейде.

Плавание брига за этот год было удачно. На Новой Земле была произведена опись берега к северу от горы Первоусмотренной до мыса Нассау, при чем во многих местах была пополнена прошлогодняя. На обратном пути был описан берег к югу от Маточкина Шара до южного Гусиного носа.

На Мурманском берегу были описаны: Святоносская губа, остров Нокуев с губой Ивановской, Семиостровский рейд, остров Олений и берег между ним и Семи островами, остров Кильдин с частью противолежащего берега и Екатерининская гавань. Все названные рейды и части берега были астрономически определены и обследованы промером, сделаны наблюдения над склонением и наклонением магнитной стрелки, вычислены прикладные часы приливов и определены высоты их.

Третье плавание в 1823 году.

Удачное плавание брига побудило правительство продолжать опись Новой Земли и в следующий год. Начальником экспедиции и на этот раз был назначен Литке.

Как и в прошлый год, первоначально предписывалось заняться работами у Мурманского берега, продолжив опись его к западу от Кольского залива до границы со Швецией, а на восточной половине пополнить опись прошлого года. Окончив здесь работы к концу июля месяца, итти к Новой Земле. Относительно работ у последней, в дополнение к прошлогодней инструкции, поручалось осмотреть остров Вайгач, Карские ворота и Югорский Шар и, в зависимости от обстоятельств, на пути, вперед или обратно, проверить географическое положение острова Колгуева.

На том-же бриге «Новая Земля» Литке вышел в море из Архангельска 12 июня. На этот раз он имел с собою новоземельского кормщика Откупщикова, родом из Мезени, как лоцмана для плавания у Новой Земли.

26 Июля, по окончании работ на Мурмане, при начавшемся восточном ветре, курс был изменен к Гусиной Земле.

Бывшие на бриге лоцмана Откупщиков и Герасимов, видя, в продолжении девятидневного плавания, частые перемены курса, когда бриг вынужден был лавировать, обнаруживали сильное любопытство, чем может кончиться, как им казалось это плавание на удачу из стороны в сторону и, часто рассуждая об этом между собою, покачивали головой и сомнительно улыбались. Но когда Литке предупредил их, что скоро будет видна Гусиная земля, что вскоре-же, действительно и случилось, то, они сознались, что средства Литке для плавания по морю лучше и вернее их.

27 Июля был усмотрен Северный Гусиный нос, и бриг пошел вдоль берега на север. Литке спешил туда, чтобы разъяснить сомнение относительно северной оконечности Новой Земли—мыса Желания, за который он принял в прошлом году мыс Нассауский. Не следуя изгибом берега, достаточно подробно описанного в предыдущее плавание,—от Сухого носа, 28 Июля, Литке прямо пошел к полуострову Адмиралтейства, а 29 числа был уже к северу от него. Встреченный редкими льдами с туманом, он лавировал здесь некоторое время и наконец к 1-му Августа достиг мыса Нассау.

Имея теперь под руками копию с карты Баренца из Голландского Большого Атласа Иоганна Блау, издания 1664 г., которая до этого года была Литке неизвестна, он убедился, что сделал в прошлом году ошибку, приняв этот мыс за мыс Желания; на карте Баренца он был назван мысом Нассау.

Литке нашел, что карта этого знаменитого мореплавателя обнаруживает большое сходство, как с его картой, так и с действительным видом и положением берегов, им осмотренных. Так, например, мыс Нассау, по определению Баренца, разнился от определения Литке лишь на 5′ по широте (южнее), точно совпадая по долготе. Самое большое расхождение он обнаружил в долготе Сухого Носа, определенного Баренцом на 20′ западнее, чем по его определению. Но на карте Новой Земли, составленной Блау, мыс Желания был помещен последним на 10° восточнее его действительного положения. Литке, составляя впоследствии свою карту Новой Земли, пропустил эту ошибку, положив мыс Желания согласно атласа Блау.

Упомянутое расхождение в долготе в 20′ объясняется только тем, что современные Баренцу способы для определения долгот были крайне неудовлетворительны. Широты же, полученные им, принимая во внимание неточность инструментов того времени, надо считать определенными очень хорошо.

Встретя у мыса Нассау, как и в прошлый год, льды, преградившие дальнейший путь, Литке пошел к югу и 6 Августа вошел в Маточкин Шар, став на якорь за мысом Бараний.

Инструкцией ему предписывалось пройти Маточкиным Шаром в Карское море и спуститься по нему вдоль восточного берега Новой Земли к югу, но Литке не решался рискнуть бригом, боясь быть там раздавленным льдами.

Поэтому, за время шестидневного стояния в Шаре, произведя с гребных судов опись его, астрономические и магнитные наблюдения, он вышел из него, направясь вдоль западного берега к южной оконечности Новой Земли, ведя попутно опись, лишь иногда прерывая ее вследствии дурной погоды.

Карта пролива, составленная Розмысловым, была найдена верною, лишь в длине его обнаружилась разница в 3-х милях.

19 Августа, рано утром, бриг подошел к Кусовой Земле. Карские ворота были чисты ото льда. Дул крепкий северо-западный ветер с крупным волнением. В раздумье, вступать-ли в Карское море, и за темным временем (уже наступил вечер), бриг лег в дрейф, имея ход не более полуторых узлов. Цвет моря, изменившийся к этому времени в зеленовато мутный, беспокоил Литке,—он подозревал, нет ли здесь мелей, почему через каждые четверть часа бросали лот, достававший глубину не менее 20 сажен.

Лоцмана, бывшие на бриге, утверждали, что море здесь чисто от банок,

Около 8 час. вечера глубина увеличилась до 35 сажень, но через самое короткое время бриг с силой ударило носом, а затем и кормою о грунт. Брошенный лот показал глубину $2^1/_2$ сажени. «Удары, пишет Литке, стремительно следовали один за другим и скоро вышибло руль из петли, сломав верхний его крюк и издребезжило всю корму; море вокруг судна покрылось обломками киля, несколько минут не теряли мы хода—наконец стали; жестокость ударов усугубилась, и страшный треск всех членов брига заставлял ожидать каждую минуту, что он развалится на части. Лишаясь всей надежды спасти судно, должен я был помышлять только о спасении людей; уже отдано было приказание рубить мачты, как то самое, что привело нас на край гибели, содеялось и причиною спасения нашего; я разумею крепкий ветер и великое волнение; последнее отделяло судно от камней, между тем как первый понуждал оное двигаться вперед; уже занесены были топоры, как оно тронулось снова в ход и скоро вышло на глубину. Миновала явная гибель, но наше положение оставалось тем не менее весьма опасным. Ветер дул с прежнею силою, волнение ни мало не смягчалось, наступала ночь, а мы были без руля. Натурально, что первою заботою нашею было вставить и укрепить по возможности сие необходимейшее для корабля орудие».

После полуторо-часовой невероятно трудной и опасной работы, при полной темноте, руль был исправлен и водворен на место.

Но при состоянии брига, в котором он теперь находился, нечего было и думать о плавании в Карское море, и Литке решил пойти в Архангельск.

Банка, где он потерпел аварию, находится в 7 милях к югу от Кусова носа и называется банкой Прокофьева.

23 Августа, выйдя на вид острова Колгуева, Литке определил широту и долготу его, описав северный берег.

Подойдя 24 Августа в Канину Носу и определив его географическое положение, бриг следовал далее в Архангельск, и 31 Августа благополучно достиг Соломбальского рейда.

По разгрузке он был введен в речку Соломбалку и повален на бок. Открывшиеся повреждения, полученные бригом на банке Прокофьева, были ужасны. Железные и медные крепления в но-

совой части были совершенно исковерканы, а обшивка раздроблена в щепы. В кормовой части совершенно не оказалось киля, а равно и обшивки, почему весь кормовой набор был обнаружен. Во многих местах, как в носовой, так и в кормовой части обшивка была отбита и видны шпангоуты. Имея такие повреждения, бриг несомненно погиб-бы, если-бы не сплошной его набор.

За время третьего плавания Литке к Новой Земле, был определен и описан Маточкин Шар, описан берег от южного Гусиного носа до Кусова, произведены магнитные наблюдения в некоторых местах, определен и описан северный берег Колгуева и Канина Носа.

На Мурманском берегу произведена опись от Иоканского рейда до Семи Островов, от острова Оленьего до Кильда, от Погань Наволока до Рыбачьего полуострова, Мотовский залив, Рыбачий полуостров и Варангерский залив до Верес Наволока—Шведской границы. Во многих пунктах сделаны астрономические и магнитные наблюдения, определены высоты приливов и их прикладные часы.

Четвертое плавание в 1824 году.

Несмотря на неудачу экспедиции достигнуть в прошлом году северной оконечности Новой Земли, правительство еще раз решило сделать попытку в этом направлении. Тоже самое было желательно сделать и относительно восточного берега, т.-е. по возможности осмотреть и его. В распоряжение экспедиции был предоставлен опять тот-же бриг, а начальствование над экспедицией, было, как и прежде, вверено Литке.

В дополнение к инструкции, касательно работ у Новой Земли ставилось задачей,—проникнуть к северу на средине между Новой Землей и Шпицбергеном, сколько позволят льды, и, так сказать, сверх программы, осмотреть восточный и южный берега Карского моря до Обской губы.

17 июня, выйдя в море, бриг начал свое четвертое и последнее плавание к Новой Земле. Употребив некоторое время на определение и поверку долгот и широт разных пунктов Белого моря, Литке пошел в океан. Достигнув 11 июля параллели $69^1/_2°$, в 60 милях на северо-восток от Канина Носа, бриг взял курс на север.

Двигаясь на север в продолжении десяти дней и лишь изредка уклоняясь в ту или иную сторону, в зависимости от изме-

нения ветра, 21 июля, в широте 76° и долготе $46^1/_2^\circ$, бриг встретил первые густые массы льда, и пошел вдоль кромки их сначала на восток, постепенно склоняясь к юго-востоку.

24 июля, находясь на параллели $74^1/_2^\circ$, был усмотрен берег Новой Земли, но тотчас же и скрывшийся за пасмурностью. Встреченный северо-восточный ветер не позволял итти к северу, и бриг вынужден был лечь в дрейф. 25 числа, когда погода несколько прояснилась, бриг находился на параллели мыса Спидвел, — южной оконечности полуострова Адмиралтейства, а ветер, отойдя на запад, позволил лечь вдоль берега на северо-восток. Но вскоре же начал встречаться лед и в широте 76° он уже совершенно закрыл путь, и Литке, повернув обратно, пошел на юго-запад. Дойдя до полуострова Адмиралтейства, бриг лег на запад вдоль кромки льда.

Целью этого рейса было еще раз попытаться проникнуть возможно дальше к северу в направлении между Шпицбергеном и Новой Землею. Плавание сильно затруднялось льдами, пасмурною погодою и частыми противными ветрами.

Следуя по окраине сплошного льда до 30 июля, бриг достиг к этому числу меридиана $43^1/_2^\circ$ в широте 76°.

Направившись отсюда на юго-восток, Литке имел целью пройти в Карское море с юга от Новой Земли для осмотра ее восточного берега. 3 августа на параллели северного устья Костина Шара, в 40 милях от берега, бриг встретил лед, и где он не пытался проникнуть к берегу, повсюду находил его окруженным плотными массами льда, не подпускавшими ближе 20 миль.

Встреча льда в этом месте у Новой Земли заставляла Литке думать, что берега ее в этой части, как и в первое плавание, будут, недоступны из-за льдов. Поэтому, неостанавливаясь здесь, он с большими трудностями пробивался к Карским воротам, и 9 августа увидел остров Вайгач. Определив его северо-восточную оконечность, он нашел Карские ворота чистыми от льда, но легкие противные ветры от разных румбов заставили бриг лавировать при входе в пролив в продолжении двух суток.

В это время к ним подошли со стороны Вайгача два промышленнических карбаса с самоедами, пробиравшимися на Новую Землю для промыслов. Сначала они боялись подойти к бригу, но кормщик одного из карбасов, как он потом рассказывал, бывавший в Архангельске и видавший там «всего довольно и даже

немцов», успокоил своих товарищей, говоря, что бывают корабли еще и больше этого, и что на них ходят такие же люди, как и они. Только после этих уговоров они решились подойти к судну. Поднявшись на палубу, они с большим интересом и вниманием осматривали бриг, при чем кормщик «видавший даже и немцов» осматривая судовую кухню заметил между прочим, что «тут поживают домком». Одаренные сухарями, маслом и пайтовными концами, они с выражениями самой искренней благодарности оставили бриг; особенно радовали их и восхищали пайтовые концы.

Продолжая держаться здесь еще некоторое время, бриг направился после в Карские ворота, но, встретив лед, отошел несколько к западу и 19 числа вышел на вид Саханских островов в губе Горбовой, определив их положение. Этого же числа, к ночи, ветер, перейдя на северо-восточный, начал постепенно усиливаться. На следующий день, не видя перемены ветра и изменения погоды к лучшему и полагая, что при таких условиях вряд-ли возможно будет пройти в Карское море, Литке решил возвращаться в Архангельск.

Встреченный одно время противными ветрами, а потом штилями, только 10 сентября бриг подошел к Двинскому бару, где опять заштилев, встал на якорь, на следующий день, рано утром, бриг вошел в Двину, а в тот же день в сумерки встал на якорь на Соломбальском рейде. Все участники плавания, как и в предшествующие годы, были здоровы.

Четвертое и последнее плавание Литке было неудачно. Удалось определить лишь положение Саханских островов, мыс Воронов на Вайгаче, западный берег Колгуева и некоторые пункты в Белом море.

Результатом всех четырех плаваний Литке к Новой Земле отличавшихся от всех предыдущих отчетливостью своих астрономических и геодезических наблюдений, а равно богатством других гидрографических и физических исследований, было точное определение географического положения западного Новоземельского берега и довольно подробное описание его от Карских ворот до мыса Нассау.

Пахтусов.

После четырехкратного плавания к Новой Земле лейтенанта Литке, русское правительство прекратило на некоторое время посылку туда экспедиций, хотя работы по определению и описи

берегов ее далеко еще не были закончены. Весь восточный берег ее, часть южного и западного, от мыса Нассау до мыса Желания, оставались по прежнему совершенно неизвестными, а считаясь с их малодоступностью из-за льдов в любое время года, можно сказать, что оставалась невыполненной еще более трудная половина работы, чем первая, исполненная Литке. Последний, учитывая особенные условия плавания у восточного берега Новой Земли и главным образом у северного острова, изложил в кратких общих чертах план производства описи этого берега.

Согласно, до некоторой степени, с мыслями, изложенными в нем, корпуса флотских штурманов поручик Бережных представил в 1826 г. в Гидрографическое Депо проект описи восточного берега Новой Земли, заключающийся в кратких чертах в следующем: построив в Пустозерске на Печоре достаточной величины карбас, наняв 8 человек местных промышленников и самоедов и купив у последних 300 штук оленей, отправить их с наступлением весны на южный берег Новой Земли, через Югорский Шар и остров Вайгач. По прибытии туда всей экспедиции, одна часть ее идет на карбасе с описью вдоль восточного берега до Маточкина Шара, а другая на оленях также направляется туда же осенью. Обе партии, соединясь у восточного устья Шара, здесь зимуют, а с наступлением весны или светлого времени продолжают опись далее к северу.

В 1829 г. в Гидрографическое Депо поступил второй проект описи восточного Новоземельского берега, представленный того же корпуса флотских штурманов прапорщиком Петром Кузмичем Пахтусовым, состоящий в следующем: основываясь на рассказах Пустозерских промышленников, ходивших на промыслы в Карское море, что последнее очень часто бывает, «довольно свободно ото льда, а иногда и вовсе безледно», считал возможным при благоприятных обстоятельствах обойти Новую Землю с востока в одно лето, описав при этом весь восточный берег ее и во всяком случае южную половину его, до Маточкина Шара. Опись должна вестись с небольшого гребного судна, которое в крайних случаях всегда можно вытаскивать на лед или укрываться в заводях у берега. Работы должны быть начаты в июле месяце от южной оконечности Новой Земли, и если бы не удалось описать весь берег ее за одно лето, то закончив работы около половины сентября, возвратиться обратно через Маточкин Шар или Карские ворота.

Выйти в путь экспедиция должна была из Пустозерска, где должно происходить и снаряжение ее.

Гидрографическое Депо, рассмотрев оба проекта, предпочло проект Пахтусова, как простейший, проекту Бережных, но приведение его в исполнение было пока отложено.

Между тем, проживавший в то же время в Архангельске Советник Северного округа корабельных лесов, ученый лесничий Клоков, выработал проект о возобновлении старинного морского пути из Архангельска через Карское море к устью реки Енисея и описи Восточного берега Новой Земли, и хотя проект был составлен еще в 1828 году, однако исполнение его различные обстоятельства задержали до 1832 года. В начале этого года Клоков вошел в сношение с Архангельским первой гильдии купцом, коммерции советником Вильгельмом Брантом, для снаряжения экспедиции, хотя с виду и коммерческой, но в самом деле основанной на истинном желании принести пользу науке и промышленности. Расходы по снаряжению экспедиции Клоков и Брант приняли на себя.

В апреле месяце того же года, по получении от правительства разрешения на снаряжение экспедиции, было приступлено к постройке судов. Одно из них, шхуна «Енисей», строилось на верфи Архангельского купца Амосова, а второе, одномачтовый карбас «Новая Земля», на верфи Бранта. Карбас этот имел тип карбасов, употребляемых Пустозерскими промышленниками для дальних плаваний во льдах, длиною 42 ф., шириною в 14 и глубиною в 6 футов. В корме и в носу его из легких переборок были сделаны каюты, покрытые тонкими палубами. Между каютами были положены четыре бимса и на них шкафуты от бортов в 2 фута шириною. Средина карбаса оставалась незакрытой палубой; взамен ее были пришиты к бортам брезенты, которые растягиваясь к средине карбаса, находили один на другой на $1^1/_2$ аршина и таким образом в ненастную погоду или волнение можно было закрыть ими эту часть судна, для предохранения хранящейся здесь провизии; в хорошую же погоду брезент мог лежать скатанным у бортов. Чертеж карбаса был составлен Пахтусовым, при участии известного в то время Архангельского корабельного мастера Ершова, и судно строилось на верфи Бранта вольным мастером, крестьянином из деревни Пустошь, Хабаровым.

По проекту, составленному Клоковым, экспедиция, для удобства и успешности работ, разделялась на три самостоятельных

отряда. Первому из них поручалось пройти через Маточкин Шар и Карское море в Обдорск на Енисее и, оставя там известие о своем плавании, возвратиться обратно в Архангельск. Второму отряду ставилось задачей,—пройдя Карскими воротами или Югорским Шаром, описать восточный берег Новой Земли до мыса Желания, затем перейти от него к устью Енисея, произвести опись и промер его, отыскать удобное место для устройства фактории и, проведя здесь зиму, также возвратиться в Архангельск. На третий отряд возлагалось исследование пути в заливы Хайпудырский, Байдарацкий и к реке Мутной. Но так как в самом начале снаряжения экспедиции встретилось затруднение в постройке трех судов сразу, то исполнение задачи, возлагавшейся на третий отряд, правда не полностью, а только осмотр южного берега Карского моря, возлагался на второй отряд, при чем он должен был выполнить это на обратном пути. На тот случай, если бы какому-нибудь из отрядов пришлось зазимовать на Новой Земле, была нанята частная ладья под командою помора Ивана Гвоздарева, которому поручалась доставка и постройка избы в Маточкином Шаре. Скажем вперед, что Гвоздарев не выполнил своего поручения—не будучи в состоянии достигнуть Маточкина Шара, он поставил избу в становище Кармакулах и в тот же год возвратился в Архангельск.

Первая экспедиция 1832—1833 г.г.

К выполнению изложенного плана Клоковым и Брантом были приглашены подпоручик Пахтусов, которому поручалось начальствование над всей экспедицией вообще и над вторым отрядом и карбасом «Новая Земля» в частности, и начальником первого отряда и командиром шкуны «Енисей»—лейтенант Кротов.

Став во главе экспедиции, Пахтусов деятельно принялся за снаряжение ее, сам же наблюдая и за постройкой карбаса. В половине июня месяца шхуна и карбас были спущены на воду. Экипаж первой состоял из 8 человек промышленников, преимущественно мезенцев, и экипаж второго из 7 человек, тоже промышленников, и отставного боцмана Федотова. В помощь лейтенанту Кротову, командиру шкуны «Енисей», был назначен подпоручик корпуса флотских штурманов Казаков, и помощником Пахтусова того же корпуса кондуктор Николай Крапивин. Оба судна были

снабжены провизией на 14 месяцев. В конце июля приготовления к плаванию были закончены.

Первый отряд на шхуне «Енисей» вышел в море из Архангельска 2-го августа. Задержанный в пути противными ветрами, он сошелся со вторым отрядом 7-го августа на параллели мыса Городецкого, от которого далее, до Канина Носа, они следовали вместе, а затем разошлись. Отсюда шхуна «Енисей» направилась к Маточкину Шару и после этого о ней не было никаких известий до 1834 года, и только в этом году стала известна печальная участь, постигшая ее. От бывших в тот год на Новой Земле промышленников было получено известие, что около губы Митюшихи, к северу от Маточкина Шара, ими найдено несколько обломков шхуны «Енисей», погибшей со всем экипажем. Как и при каких обстоятельствах произошло крушение, — осталось неизвестным. С гибелью шхуны, первая половина плана экспедиции осталась невыполненной.

Второй отряд, под начальством Пахтусова, на карбасе «Новая Земля» вышел в море вечером 1-го августа. Встреченный в горле крепким противным ветром, он укрывался от него некоторое время в становище Девятом, на Терском берегу, откуда, продолжая плавание далее, в полночь 9-го августа увидел остров Колгуев, а утром 10-го встретил первые ледяные поля; густой туман окружал карбас. К вечеру того же дня туман рассеялся, и к общей радости был усмотрен южный берег Новой Земли. Несмотря на то, что на пути вперед был виден густой лед, Пахтусов решил подойти к видимому отрубистому мысу и за ним укрыться на ночь; к 8-ми часам вечера, с трудом пробираясь сквозь лед, он вошел в губу Широчиху, в 50-ти верстах к западу от Кусова Носа.

Простояв здесь за противными ветрами более суток, рано утром 12-го числа карбас вышел из губы и пошел к востоку, в тот же день достигнув острова Бритвина, а вечером стал на якорь в Петуховском Шаре, за островом Большим Оленьим. Отсюда Пахтусов увидел, что путь к востоку загражден сплошными массами льда, оставался лишь узкий проход между ним и берегом. Снявшись на другой день с якоря, он продолжал плавание этим каналом, при всякой возможности производя опись и делая астрономические определения. 19-го августа Пахтусов вошел в губу Миронову и начал опись ее к северо-востоку через западное устье Никольского Шара, причем пришедшим в движение льдом карбас

его был едва не раздавлен. Погода и море мало благоприятствовали работам; то выжидая удобного времени, то когда рассеется туман, то лавируя между льдами и борясь с противными ветрами, карбас медленно подвигался вперед. Жалуясь на то и другое, в своем дневнике Пахтусов пишет, что «частые неудачи в описи от туманов, дождей и большею частью от льдов, делали положение наше для меня несносным. Мысль, что, несмотря на раннее еще время, придется нам зимовать, не увидев восточного берега, меня крайне беспокоила. Только примеры предшествовавших экспедиций в полярные страны несколько ободряли меня. Я знал, что и в позднюю осень Карские ворота бывают иногда чисты ото льда».

21-го августа карбас вошел в Логинову губу, где простоял до 23-го числа; отсюда Пахтусов ходил на шлюпке к востоку, до губы Каменки, где нашел промышленническую избу и при ней крест, поставленный кормщиком Ивановым в 1759 году, и здесь же две могилы. Находке избы Пахтусов был особенно рад, так он ясно видел, что зимовка его здесь неизбежна. Правда, изба была очень ветха, но он надеялся, исправив ее, провести в ней длинную суровую зиму.

В тот же день, вернувшись к карбасу, он распорядился сборкой плавника, частью для дров, частью для поправки избы, а к тому же противный ветер и скопившиеся льды мешали дальнейшему плаванию. Лишь 27-го числа с тихим северо-восточным ветром, при густом тумане, Пахтусов пошел на карбасе бичевою, но, отойдя от якорного места сажен 150, встал на камень и при всех усилиях не мог с него сойти; карбас сидел на камне, как раз срединою днища. Густо носившиеся небольшие льдины и отлив заставляли опасаться, как бы карбас не опрокинулся или не проломило. Для отвращения того и другого были установлены на дно, с кормы и с носу, у того и другого борта, бревна, благодаря которым, скрепив их над судном, приподняли нос и корму талями и, дождавшись полной воды, около полудня снялись с мели и стали на якорь.

Дувший северо восточный ветер, нажимая лед в губу, делал пребывание здесь карбаса опасным, но укрыться было совершенно некуда. 28-го августа провели на берегу за сборкою в кучи плавника и бревен для избы. 29-го числа карбас начало сильно беспокоить льдом, почему пришлось искать более покойного места; в конце концов карбас укрылся между берегом и большой льдиной,

стоявшей на мели. 30-го августа задувший свежий западный ветер стал выносить из губы лед, а 31-го числа, рано утром, карбас пошел между льдами к востоку бичевою и завозами,—нести парусов не позволяли сильные шквалы. С большим трудом к полудню карбас достиг губы Каменки и встал на якорь невдалеке от найденной избы. Здесь Пахтусов решил остановиться на зимовку.

Причины, так рано побудившие его зимовать—это льды, беспрерывно встречаемые им с 13-го августа и заставившие думать, что, с наступлением еще более позднего времени, Карское море еще менее может быть свободно от них. В какой степени льды, а отчасти и туманы, препятствовали плаванию, можно видеть из того, что в течение 19-ти дней было пройдено лишь около 35 верст.

Изба, долженствующая служить приютом нашим зимовщикам, была поставлена на окладных бревнах найденной промышленнической избы. На постройку ее был употреблен собранный плавничный лес, состоявший из елей, лиственниц, пихты, осины и сосны. Она занимала пространство 13 фут в длину и ширину, при высоте стен в $5^1/_2$ фут и в средине до 7 фут. Пазы в стенах были законопачены мхом, а на крышу накидан песок, щебень и бревна. В одном из углов избы стояла печь, сработанная из привезенных с собою кирпичей, от стен шли нары, а посредине стоял стол. Рядом с избой была построена русская баня, и пространство между ними, забранное досками, парусами, бочками и ящиками с провизией, служило сенями.

Окончив постройку становой избы к 11-му сентября, Пахтусов перебрался в нее с командою на зимовку, а 15-го числа приступил к разгрузке и разоружению карбаса. Освободив его от груза и очистив от снега и льда, к утру 19-го сентября, помощью двух устроенных на берегу шпилей, на которые были заведены тали, вытащили карбас на небольшую кошку, укрепив его с обеих сторон подпорами.

С этого же дня было начато ведение метеорологического журнала; через каждые два часа наблюдалась высота барометра, температура и состояние атмосферы, ветра и неба. Описные работы, вследствие почти непрерывных туманов и дождей, были прекращены вовсе. До сего же времени удалось произвести следующие работы: описать южный берег Новой Земли на пространстве около 30-ти миль, начиная от западного устья Петуховского Шара до губы Каменки, по внешнюю сторону Кусовой Земли, и астрономи-

чески определить западное устье Петуховского Шара, остров Большой Олений, островок в губе Логиновой и место зимовья; последнее находилось в широте 70°36′,5.

Губа Каменка покрылась льдом еще 12-го сентября, а в устье ее и по горизонту стоял сплошной морской лед; морозы к этому времени достигали уже 15°.

Поселясь в зимовье, Пахтусов установил строгий надзор за чистотой в избе и регулярным образом жизни; то и другое было необходимо для сбережения здоровья команды. Последняя была разделена им на вахты, по два человека в каждой, которые ночью обязаны были следить за огнем и песочными часами, а днем осматривать судно и внешнюю сторону избы и сеней. Спать позволялось только ночью и не более 8 часов. Так как прохаживаться в избе, по тесноте ее, было невозможно, то выходили гулять наружу, ставя ловушки для песцов и лисиц, и лишь в очень дурную погоду прогулка отменялась. Сидя в избе, каждый был занят какою либо работою,—то починкою платья, то снаряжением орудий для промысла зверей, то приготовлением пищи и пр. В свободное время велись рассказы о былых приключениях и похождениях, которых у каждого, как промышленника по профессии, было достаточно, а иногда пели и песни. В праздничные дни бывала общая молитва. Пища для всех была одинакова, умеренная, и распределена регулярно: утром около 5 часов пили чай или сбитень, около 8-ми немного завтракали, в 12 обедали и вечером часов в 6 ужинали, а иногда пили только чай. Водка выдавалась только после трудных работ или в ненастные дни после прогулки.

Изба, несмотря на неважную постройку, была тепла, даже в слишком 30-ти градусные морозы в ней можно было сидеть в одних рубашках. Угара не было, но зато сырость и спертый воздух иногда бывали трудно выносимы. Все металлические вещи быстро покрывались ржавчиной, а платье плесенью, отчего ее часто приходилось просушивать.

Между прочим, от сырости же, «из моха в пазах стен, как пишет Пахтусов, местами показалась трава; недели через две некоторые стебли ее были длиною до восьми дюймов. Во все время пребывания нашего на Новой Земле мы не видели зелени, да и впоследствии не случалось видеть такой большой и свежей. Однако, мы не могли радоваться превращению избы нашей в оранжерею и по возможности старались очищать стены от этого украшения».

Для соблюдения чистоты, пол в избе скоблили железными лопатами и вытирали швабрами. Каждую неделю все ходили в баню, а белье меняли два раза.

В первых числах ноября зимовщики видели солнце последний раз,—наступила полярная ночь. В продолжении 75-ти суток они имели только свет зари, продолжавшейся ежедневно не более $2^1/_2$ часов, да иногда светила им луна или северное сияние.

9-го ноября заколотили окно избы, так как оно, покрывшись изнутри слоем льда, толщиною до 1 дюйма и, не пропуская света, было бесполезно; для лучшего же сохранения тепла, избу снаружи обрыли снегом.

С конца сентября месяца, в продолжении всей зимы, Пахтусов довольно часто наблюдал Карское море чистым ото льда, при чем иногда даже по несколько дней подряд, и видя это, не раз сожалел, что рано остановился на зимовку. «Видеть мне это, пишет он, было слишком неприятно, потому что мы совершенно уже остались на зимовку. Впрочем меня несколько утешало то, что часто находили туманы и временно шел густой снег, закрывавшие от нас чистое волнующееся море. Какие две противоположности! Когда мы были под парусами, тогда желали чистого моря, а теперь, как бы с досады, старались не видеть его. По крайней мере нам остается ласкать себя надеждою на лучший успех описи в будущем лете», а еще позднее отмечает в дневнике, что «теперь я в полной мере убедился, что Карское море иногда бывает совершенно свободно ото льда, в чем при начале покушений наших, с 13-го августа по 13-е сентября, начал было я сомневаться, встречая на каждом шагу непреодолимые препятствия от льда».

Наступивший праздник Рождества провели в различных увеселениях, а посетившие их зимовье в эти дни несколько белых медведей дали повод ко многим шуткам на счет святочных маскарадов. Впрочем эти гости посещали их зимовье в продолжении всей зимы.

9 Января, в полдень, при ясной погоде, зимовщики увидели над горизонтом долго скрывавшееся от них солнце, а 14-го открыли окно, прожив таким образом в избе с огнем 76 дней. Это можно было-бы сделать и раньше, но Пахтусов ожидал еще больших морозов, так как погода до Января стояла очень непостоянная. Однако за все время зимовки ниже 32° (9 Ноября) термометр не опускался.

Несмотря на всевозможные предосторожности, принятые для предохранения от заболевания цингой, в половине Марта месяца, у двух человек из команды появились первые признаки ее. Пахтусов боролся с нею, сколько позволяли бывшие у него под руками медикаменты, а также и сведения его в медицине, но болезнь упорно держалась.

В конце Февраля месяца начали показываться первые проталинки; дни росли все быстрее и быстрее, и с половины Марта Пахтусов начал уже готовиться к описным работам.

8 Апреля при ясной хорошей погоде с тремя человеками команды он вышел для производства описи к югу от зимовья, везя инструменты и провизию на легких санках, специально сделанных для этого еще зимою, но в тот же день вечером возвратился к избе, так как все чувствовали необыкновенную усталость, хотя пройдено было всего 18 верст. Пахтусов объясняет это тем, что в продолжении семи месяцев они имели очень мало движения, или, как выражается он, «просто засиделись».

11 Апреля он снова вышел для описи Никольскаго шара с четырьмя человеками, взяв с собою ружья и рогатины от медведей. Днем ведя опись, а ночи проводя в ямах, вырытых в снегу, он продолжал работы до 13 числа, когда начавшаяся сильная мятель заставила его вернуться к зимовью, которое, с возвращением их, «сделалось лазаретом». К прежде бывшим двум больным, Федотову и Подгорскому, теперь присоединились все пять человек возвратившиеся, больше всего страдая глазами.

Отдохнув и несколько оправившись от глазной болезни, Пахтусов 27 Апреля опять пустился с теми же четырьмя человеками, для производства описи сначала близлежащих островов и Никольского Шара, а потом и далее к западу, оставив в зимовье другую половину команды с помощником своим Крапивиным, поручив ему описать губу Каменку и некоторые ближние острова. Ввиду того, что местность, где производилась работа, была изрезана заливами и усеяна островами, опись подвигалась очень медленно. Не мало препятствовала работе снова приключившаяся болезнь глаз от яркого солнечного света, особенно отраженного от снега, а также и вьюги, свирепствовавшие иногда со страшной силой. Что-бы хоть несколько ослабить действие яркого света на глаза, они чернили себе сажей часть лица кругом глаз и это немного помогало им,—было не так больно смотреть. Одна из вьюг, случившаяся 2 Мая и заставшая их в заливе лейтенанта Рейнеке, в 40 верстах к востоку от

зимовья, чуть не кончилась для них очень печально. Она была так сильна, пишет Пахтусов, что невозможно было не только предпринять дальнейший путь, но даже и стоять на ногах, и продолжалась трое суток, почему мы и принуждены были лежать все время в снегу, не имея возможности даже и говорить между собою; от замерзания же спасали себя единственно только бывшею на нас теплою одеждою самоедов». По прекращении вьюги, изнуренные и больные они возвратились к зимовью 5 мая, где их встретил обрадованный их возвращением Крапивин. За время отсутствия Пахтусова из зимовья здесь умер 3 мая от цинги боцман Федотов, а вскоре за ним 13 числа последовал и другой больной Подгорский.

Оправившись от болезни и несколько отдохнув, Пахтусов с четырьмя человеками матросов 29 мая снова вышел для производства описи к северу от зимовья. Описав ко 2-му Июня берег на протяжении 12 верст, до мыса Меньшикова, он вынужден был вернуться обратно, так как наступившие сильные оттепели мешали делать опись по берегу.

Еще в конце Мая месяца начался прилет на Новую Землю гусей и гаг, стреляя которых и употребляя в пищу, зимовщики стали чувствовать себя много бодрее и сильнее. Солнечные дни случались чаще, а в начале июня термометр показывал иногда даже в тени $4^1/_2^\circ$, что для наших зимовщиков казалось уже большим теплом. Но прибрежные губы все еще стояли плотно покрытые льдом, несмотря на то, что речки уже вскрылись, и вода с гор лилась ручьями.

Приведя к окончанию исправление карбаса и двух небольших лодок, чем Пахтусов деятельно занимался со дня возвращения из последней экскурсии, 24 июня он отправился на небольшой лодке с двумя человеками для продолжения описи к северу от мыса Меньшикова, с тем, что если позволят обстоятельства, то довести ее до Маточкина Шара. Крапивину-же приказал следовать за ним на карбасе без промедления, как только губа очистится ото льда. Копия с карт произведенных им описей, а равно и черновые журналы экспедиции, Пахтусов взял с собою, оставив Крапивину оригиналы, дабы, в случае гибели одного из них, труды экспедиции не пропали бесследно.

Продолжая опись от мыса Меньшикова к северу, Пахтусову приходилось плыть между двигающимся льдом, иногда перетаскивая лодку через льдины, бороться со свежими ветрами и частыми шквалами со снегом или дождем. Ночевки, а иногда и остановки,

по тем или другим причинам длившиеся иной раз до трех суток, большею частью имели на торосах. Скорость движения лодки измерялась ручным лагом, и Пахтусову, не имея помощника (шлюпка иногда шла только под веслами), приходилось делать три дела сразу: выпускать лаглинь, поворачивать склянку и править рулем.

Несмотря на трудности работы и всевозможные препятствия, он упорно продолжал опись далее и далее. 4 июля, пройдя от зимовья 115 верст, Пахтусов нашел губу, удобную для стоянки небольших промышленнических судов, назвав ее губой Савиной. Здесь, на берегу, ее, он нашел развалившуюся избу и около нее упавший крест. На нем была видна хорошо сохранившаяся, вырезанная ножем, надпись следующего содержания: «Поставлен сей животворящий крест на поклонение православным христианам, зимовщики 12 человек, кормщик Савва Ф...анов, на Новой Земле по правую сторону Кусова Носа». На большой поперечине креста было вырезано «З С Н году июля 9 дня». По славянски эти буквы означают 7250-й год от сотворения мира, по церковному летоисчислению, и от Рождества Христова 1742 год. Надпись «Ф...анов» потому не полна, что дощечка в этом месте выстрела и дала трещину.

«Нет сомнения, говорит в своих записках Пахтусов, что это тот самый Савва, который обошел Новую Землю кругом, около мыса Доходы. Хотя предание называет его Лошкиным, но эта разница в прозвище могла произойти от двух причин: или Савва имел две фамилии, Лошкин и Феофанов, или вырезывавший надпись на кресте, из уважения к своему кормщику, назвал его только по отчеству Феофановым. Повидимому Савва зимовал здесь с большим судном; изба его была (как можно судить по ровному лесу и знакам на бревнах) привезена в срубе с места отправления. По всему видно, что у Феофанова не умер ни один человек, потому что около избы не нашли мы ни одной могилы. А это доказывает, что, при лучших средствах для зимовки, Новая Земля не столь страшна, как нам показалось в бедном нашем жилище, устроенном из сырого плавника».

Весьма возможно, что этот крест действительно поставлен известным Саввою Лошкиным, но только не во время его плавания кругом Новой Земли, а раньше, так как Новую Землю Савва обошел около 1760 года.

Пройдя от этой губы к северу еще 17 верст, 5 июля Пахтусов повернул обратно к зимовью, не рискуя плыть далее, по

малости шлюпки, хотя видел отсюда море, совершенно чистое от льда. Вернуться обратно заставляло его также и то обстоятельство, что карбас с Крапивиным, которому он приказал немедленно следовать за ним, не показывался, да и часть команды, оставленной в зимовье, была больна.

Погода благоприятствовала обратному плаванию, и 7 июля Пахтусов уже прибыл к своему «становью», найдя губу только что освободившеюся ото льда.

Карбас был в совершенной готовности, и Пахтусов намеревался немедленно же выйти в море, но сборы задержали его до 11 Июля. В этот день, вечером, зимовщики покинули свое жилище, где провели они 297 дней. По обыкновению Новоземельских промышленников, они оставили в избе некоторое количество провизии. Выйдя из губы, карбас пытался лавировать к северу, но безуспешно, сильное волнение и порывистый ветер заставили его укрыться в губе Логиновой. К 15 числу ветер усилился до степени жестокого шторма и нагнал с моря лед, который, закрыв выход из губы, задержал здесь карбас до 18 числа.

Дождавшись благоприятной погоды, Пахтусов вновь снялся с якоря, но вскоре-же встреченный льдами и туманами лишь с трудом продолжал плавание. Проходя восточную часть полуострова Стодольского, он нашел на берегу его карбас и развалившуюся небольшую избу, а около нее два человеческих черепа и несколько костей. Внимательно осмотрев избу, он нашел в ней небольшой медный и два железных котла, ложу от ружья, немного пороху и несколько оленьих шкур. Как в избе, так и снаружи около нее был страшный беспорядок и нечистота. По этим вещам, обыкновенно составляющим хозяйство самоедов, Пахтусов заключил, что в этой избе зимовал в 1824 году самоед Мавей, о котором он в том-же году слышал в Югорском Шаре от самоеда же Военты, возвращающегося с Новой Земли. Мы приводим из записок Пахтусова этот интересный разсказ.

«Самоедин Мавей еще в молодости зимовал на Новой Земле с отцом своим, по обещанию идолам, коих отец его почитал благодетельными виновниками удачных своих промыслов. В 1822 году Мавей, приведенный в бедность падежем оленей, по примеру отца своего, положил обещание тем же идолам, что будет зимовать со всем своим семейством на Новой Земле. В лето 1823 года отправился он, в сопровождении родственника своего Военты, на корабле с запасом, недостаточность которого надеялся он воз-

наградить промыслом диких оленей, белых медведей и прочих зверей. Семейство Мавея составляли: жена и сын с женою и дочерью. Воепта, проводивший родственника своего в зимовье, с очищением моря ото льда, в 1824 г. тщетно ожидал его возвращения. Желая наведаться об участи Мавея, он сам в Августе месяце отправился на Новую Землю. Придя к зимовью, он был поражен ужасным зрелищем: два женские трупа лежали в избе, подле них выделанная медвежья шкура, которой половина была съедена; на дворе, неподалеку от избы, лежали истлевшие трупы сына и внучки Мавея; самого же Мавея нигде не нашли. Воепта полагал, что уйдя на промыслы диких оленей, он погиб в дороге, потому что и ружья его также не отыскано. Несмотря на нестерпимый запах, Воепта предал земле тела несчастных своих родственников. Он полагал, что они умерли от угара или холода, цинготную же болезнь, как постыдную между самоедами, он отстранял от своих единоземцев».

21 июля Пахтусов вошел в губу, названную им губою лейтенанта Литке, чтобы укрыться в ней от крепкого северного шторма, и был задержан здесь им и появившимся льдом до 8 Августа. Жалуясь в своих записках на это вынужденное сидение и опасаясь зимовки, он пишет, что «зная, что отчаяние—первый повод к неудачам и всегда ведет за собою самые бедственные последствия, я стараюсь скрыть мои опасения от товарищей моих и даже от самого себя».

Освобожденный из ледяного плена юго-западным ветром, утром 8 Августа, Пахтусов пошел далее к северу, производя опись, и утром 12 числа подошел к восточному устью Маточкина Шара. Открытые здесь две губы назвал он именами лиц, снарядивших экспедицию—губою Бранта и губою Клокова. 13 Августа, войдя в устье Маточкина Шара, он встал на якорь.

Тотчас же с помощником Крапивиным Пахтусов выехал на берег для наблюдений, а двух матросов послал к избе на Дровяном мысу осмотреть, не зимовал ли около этого места лейтенант Кротов и не оставил ли здесь известия о своем плавании и дальнейших намерениях, как было между ними условлено о том заранее. Посланные скоро возвратились, не найдя никаких следов пребывания здесь Кротова. Это очень опечалило Пахтусова, и грустная мысль об участи шхуны «Енисей» начала тревожить его.

По данной Пахтусову инструкции, он должен был продолжать опись и далее, но так как из числа экипажа, всего в шесть человек, насчитывалось здоровых только два, то он не рискнул

пуститься в дальнейшее плавание, хотя и видел море чистое ото льда до самого горизонта. Не вдруг решил он этот трудный для него вопрос: возвращаться ли в Архангельск или приступить к дальнейшей описи.

«От моих подчиненных», пишет он в своем дневнике, «по обыкновению прежних мореходцев, я не требовал советов ни прежде, ни в этом случае; мне было и жаль и совестно оставить берега, никем неосмотренные, и еще в такое время, когда они начинают очищаться ото льда. Мне, конечно, могут поставить это в вину, но со своей стороны в оправдание я имею не менее важные причины. Итти далее к северу значило решиться на вторую зимовку, а мы не имели ни провизии, ни физических сил, необходимых для такого предприятия, хотя духом и были бодры. Статься, может мне удалось бы пройти к северу миль 20 или более, для обзора хотя части северного острова Новой Земли, но как удалось бы оттуда воротиться или устроить зимовье? Вот вопрос. И эта зима, по всей вероятности, была бы последнею, если не для всех нас, то для большей части моих товарищей. Какая же была бы тогда польза от нашей экспедиции? Безизвестность ее действия, если не всегда, то надолго, до новаго предприятия. Нет, лучше пусть обвиняют меня в робости, но для исполнения своих, хотя и полезных намерений, я не хотел быть виновником гибели моих сопутников. Упрек их в бедствии лежал бы в таком случае на одном мне, и тяжесть его не могло бы снять даже удовлетворение честолюбия, если бы я пережил моих товарищей. Я решился на обратный путь. Прав ли я или нет, пусть решат другие, что же касается до меня, я утешаюсь мыслью, что решение мое основано на чувстве своего долга. Отказавшись на этот раз от дальнейших покушений к северу, я не переставал надеяться, что, если мне уже не суждено быть на северной части восточного берега, то будущие последователи мои в описи Новой Земли, конечно, достигнут неосмотренных мною мест. Опасности, которые мы встречали, и перенесенные нами труды нельзя еще назвать непреодолимыми; только хвастливое красноречие, желая сильнее действовать на простодушных слушателей, облекает покровом ужаса самые ничтожные затруднения. С терпением, деятельностью, с возможными предосторожностями для сохранения здоровья людей, с мыслью о славе России и с помощью Божиею, можно, решительно скажу, изследовать и остальную часть восточного берега Новой Земли».

После вполне разумного и безупречного решения возвращаться обратно в Архангельск, Пахтусов 17 Августа снялся с якоря и пошел Маточкиным Шаром к западу. Остановившись у губы Белужьей и осмотрев зимовье Розмыслова, он и здесь не нашел никаких следов пребывания ни Кротова ни Гвоздарева, который, согласно плана экспедиции, должен был привести в Маточкин Шар новую избу. У становой избы Розмыслова Пахтусов оставил краткое извещение о плавании его экспедиции, закупорив записку в бутылку и обложив ее камнями.

18 Августа он достигнул западного устья Маточкина Шара. Произведя астрономические наблюдения и запасшись водою и дровами, 19 числа, после полудня, он вышел в океан и пошел вдоль берега к югу.

На другой день задувший с утра свежий восточный ветер с крупным волнением нес карбас со скоростью до 7 узлов. «Теперешнее наше положение»,—пишет Пахтусов в записках, «было картинно, но, конечно, не завидно. Представьте себе — среди необозримого океана под небом, покрытым черными тучами, маленький наш бот, осыпаемый брызгами волн, то сильно кидаемый на хребет вала, то поглощаемый бездною... Не умею дать отчета почему, но мне нравилось разъяренное море, и я не заботился о том, скоро ли смягчится буря, быстро несшая нас к югу».

В ночь с 20 на 21 Августа, когда карбас находился на параллели Гусиной Земли, умер матрос Николай Рудаков. Свершив над ним обычные молитвы, он был похоронен в море.

К 22 числу ветер усилился до степени жестокого шторма, отнеся карбас от Новой Земли к западу. Положение их было очень печальное: буря ревела, и поверхность моря была изрыта огромными остервенившемися валами... срываемые вершины волн дождем неслись над морем. Мы были в какой то новой сфере, состоящей более из воды, чем из воздуха». Вследствие неособенно важных морских качеств карбаса, лавировать было невозможно, почему не было никакой надежды достигнуть берега, чтобы укрыться там от шторма. Даже более того, они были настолько беспомощны, что «принуждены были предаться полному свирепству бури в течение целых суток».

Утром 25 Августа показалась северная оконечность острова Колгуева, и Пахтусов направился к нему, имея намерение войти в речку Васькину, но сильнейший прибой не позволил этого сделать, почему он остановился в одной спокойной заводи и, про-

стояв в ней из-за сильного противного западного ветра до 28 числа, когда снова начавшийся шторм заставил его выйти в море. Но и на этот раз вскоре же пришлось убедиться, что беспалубное судно совершенно не в состоянии держаться на волне лагом. Чтобы избежать гибели, оставалось одно — пуститься по ветру к Тиманскому берегу, что Пахтусов и сделал—«поелику из лучших остановищ по означенному берегу есть Гуляевские кошки, то следовал к оным и в 6 часов вечера остановился на якоре у Русского заворота».

Команда к этому времени была уже настолько больна, что нуждалась в безотлагательном отдыхе. По этому не решаясь более пуститься в море с больным экипажем, Пахтусов решил с первым же попутным ветром итти в Печору.

Снявшись с якоря, утром, 29 Августа, около полудня того же числа, он наткнулся на мель, на которой в малую воду карбас совершенно обсох. На другой день утром с приливом, помощью подведенных под корму бочек, удалось стянуться с мели.

Простояв здесь до 3 Сентября, при свежем северо-западном ветре карбас пошел к устью Печоры, но около Болванского носа снова стал на мель. Продолжавший крепчать ветер, нагнав с моря в Печерский лиман много воды, развел большое волнение, от чего карбас жестоко колотило о грунт. В одно время удары были настолько сильны, что тщательно уложенный хронометр перевернулся на своем штативе. Якоря держали плохо, карбас беспрерывно дрейфовало к отмелому каменистому берегу Болванского носа; гибель казалась неизбежной. Так как выехать на шлюпках не представлялось возможным, то для спасения экипажа, карт, журналов и инструментов экспедиции Пахтусов решил выброситься на берег. Вытравив канаты и пустясь по ветру, выбрав место за ближайшим мыском, где волнение было меньше, карбас подошел к самому берегу, уткнувшись в него носом. Выскочившие на берег Крапивин и два матроса удержали карбас брошенными на берег якорями, но его вскоре же залило. Карты, журналы и инструменты с большим трудом успели спасти, но провизия почти вся погибла. В спасении имущества экспедиции много помогли Пахтусову подоспевшие промышленники Пустозерцы, сидевшие недалеко отсюда на тонях. «Здесь, по прошествии 13 месяцев, т.-е. со дня разлуки нашей с лейтенантом Кротовым, в первый раз увидели мы людей не принадлежащих к нашей экспедиции»,—замечает Пахтусов в своих записках.

Шторм продолжал свирепствовать еще двое суток, но как только стих, Пахтусов в скором же времени, при помощи тех-же Пустозерцев исправив небольшие повреждения карбаса, снял его с мели, и, забрав спасенное имущество, пошел к деревне Куе, куда и прибыл 12 Сентября; сдав здесь карбас под присмотр местных промышленников, он перебрался с командою в Пустозерск.

Прожив в Пустозерске до 4 Октября, оставив здесь помощника своего Крапивина, команду и инструменты, т. к. еще не было хорошого санного пути, он забрав, с собою журналы и карты экспедиции, выехал на оленях через тундру в Мезень, а оттуда почтовым трактом в Архангельск, куда и прибыл 20 Ноября. Прожив здесь короткое время, он выехал для сдачи отчета в Петербург.

Так была совершена Пахтусовым его первая экспедиция на Новую Землю.

Вторая экспедиция 1834—1835 г.г.

Представленные Пахтусовым в Гидрографическое Депо труды его экспедиции были последним рассмотрены, одобрены и признаны весьма полезными для возобновившихся в то время у берегов Новой Земли русских промыслов.

В виду этого правительство решило отправить, уже на свои средства, вторую экспедицию, поручив начальствование над нею Пахтусову же, назначив ему помощником кондуктора корпуса флотских штурманов Августа Карловича Цивольку.

Живя в Петербурге, Пахтусов прилежно изучал минералогию, ботанику и зоологию, готовясь ко второй экспедиции.

Инструкцией, данной на этот раз Пахтусову из Гидрографического Депо, указывалось, чтобы он шел из Архангельска прямо к Маточкину Шару, и пройдя им, Карскому морю, занялся описью восточного берега Новой Земли к северу от Шара; если же, по прибытии к западному устью этого пролива, он найдет его из-за льдов непроходимым, то, не останавливаясь здесь, плыть вдоль западного берега до северной оконечности Новой Земли, обогнув ее, начать опись восточного берега к югу уже отсюда, а если обстоятельства будут на то благоприятны, то от северной оконечности Новой Земли пройти сначала сколько будет возможно, на восток и север, для открытия каких-либо новых островов. Если же льды воспрепятствуют этому, то возвратясь в Маточкин Шар, снова постараться пройти через него в Карское море и, описав восточный берег до мыса Желания, обогнув последний на запад-

возвращаться обратно в Архангельск. На случай зимовки рекомендовалось остановиться в Маточкином Шаре, куда для этого предполагалось отправить избу, баню и амбар. В случае же зимовки на восточном берегу, советовалось зимовать—или в судне, вытащив его на берег, или же в избе, построив ее своими силами из плавничного лесу.

Так как в распоряжении Архангельского Адмиралтейства не оказалось судов, подходящих для нужд экспедиции, то тем же лесничим Клоковым были предложены правительству построенные им, по его заказу, небольшая шкуна и карбас. Первая, названная «Кротов», в честь погибшего в 1832 г. со шхуной «Енисей» лейтенанта Кротова, имела в длину 35 фут., ширину 11 ф., при глубине трюма 6 фут. Карбас был назван по имени помощника Кротова «Казаков», и имел длину 40 фут., ширину $11^3/_4$ ф. и глубину $4^1/_2$ ф. Команда на каждом из этих судов состояла из пяти человек военных матросов и двух вольнонаемных, а на обоих вместе, со включением командиров и фельдшера Василия Чупова, бывавшего на Новой Земле в экспедиции Литке, было 17 человек, при чем назначались в экспедицию лишь лица, совершенно удовлетворившие медицинскому осмотру. Шкуной «Кротов» командовал Пахтусов, а карбасом «Казаков» Циволько.

Так как оба эти судна не могли вместить всего груза экспедиции, то, в помощь им, тем же Клоковым была нанята частная ладья, которой поручалось доставить в Маточкин Шар срубы избы, бани и амбара, а после заняться промыслами и в то же время поисками следов погибшей шкуны «Енисей». Но и на этот раз, как и в прошлую экспедицию, ладья не выполнила своего задания.

Запас провизии для экспедиции был взят на 16 месяцев, и вообще она была снабжена богаче, чем первая.

К концу июля месяца все приготовления были закончены и 24 числа шкуна и карбас одновременно вышли из Архангельска в море, но вскоре же разлучились. 3 августа, миновав Канин Нос, Пахтусов 9-го достиг южной оконечности Новой Земли мыса Кушного. Проведя ночь в уже известной ему губе Широчихе, на следующий день он пошел вдоль западного берега к северу, ведя опись. Утром 21-го он вошел в Костин Шар, а в полдень того же дня в реку Нехватову, где узнал, что три дня тому назад здесь был Циволько и вышел отсюда на север.

Тут же, встретив одного промышленника, пришедшего из Маточкина Шара, он узнал от него, что на берегах губы Серебр-

рянки и Митюшихи найдены обломки рангоута небольшого судна, которые, судя по описанию их, Пахтусов полагал обломками погибшей шхуны «Енисей».

Продолжая плавание к северу, 26 августа Пахтусов вошел в Маточкин Шар и стал на якорь у устья реки Маточки, а на другой день прибыл сюда и Циволько со своим карбасом.

Вслед за ними пришел сюда же карбас, оставленный Пахтусовым в прошлом году в Печоре. Теперь он, под управлением кормщика Шестакова, был послан сюда купцом Брантом для разведки об участи шхуны «Енисей».

Произведя астрономические и магнитные наблюдения и осмотрев окрестности, 29 августа шхуна и карбас пошли Маточкиным Шаром к востоку и достигнув к 7 сентября мыса Журавлева, увидели, что далее весь пролив полон льдами, а у мыса Заворотного лед стоял сплошной массой. Отсюда Пахтусов на легкой шлюпке пошел к востоку, с намерением дойти хотя бы до мыса Дровяного, чтобы взять здесь бревна от избы, сохранившейся со времени экспедиции Розмыслова.

Внимательно осмотрев пройденную часть Маточкина Шара и нигде не найдя обещанных Клоковым избы, бани и амбара, он должен был теперь заняться постройкою их своими силами и средствами.

Пробираясь на шлюпке к востоку, он смог дойти лишь до мыса Снежного; здесь лед окончательно преградил путь, и Пахтусов пошел обратно, перетаскивая во многих местах лодку через лед.

От мыса Заворотного шкуна и карбас пошли к западу, разбивая молодой лед балластинами, опускаемыми на концах с бушприта шкуны, при чем карбас вскоре отстал, собирая по берегам бревна. Решив зимовать в проливе и выбрав для этого реку Чиракину, шкуна вошла в нее 21 сентября, а на другой день прибыл сюда и Циволько, привезя с собою 40 штук бревен и брусьев, годных для постройки избы. Для нее же были использованы остатки бывших здесь трех старинных изб и кочмары, покинутой Розмысловым, когда он оставлял Новую Землю.

Местом для устройства зимовья, была выбрана возвышенность на западном берегу реки Чиракиной.

На этот раз помещение экспедиции было несколько свободнее, нежели в предшествовавшую зимовку. Изба была разделена на два отделения; одно большое, в 21 фут длиною и 16 фут.

шириною, с русской печью, и другое меньшее, в 12 фут. длиною и 10 шириною, с малой чугунной печью; внутренняя высота избы была у стен около $6^1/_2$ фут., а по средине $8^1/_2$ фут. Пазы были проложены мхом, а изнутри проконопачены пенькою. Не вдалеке от избы была построена баня, и пространство между ними, забранное бочками и ящиками с провизией и парусами, служило сенями.

Закончив устройство зимовья к 5 октября, Пахтусов в этот же день перебрался в него с командою, поместив ее в большом отделении избы, а сам с Цыволько и фельдшером Чуповым занял меньшее отделение; здесь же были размещены инструменты для метеорологических наблюдений. Шкуна и карбас были разоружены и поставлены в безопасном месте.

С 1-го ноября началась полярная зима, продолжавшаяся до 20 января. Лишь около полудня было несколько светлее, в остальное же время царствовала глубокая темнота, правда, нередко нарушаемая великолепными северными сияниями и ярким светом луны.

Был установлен порядок дня, нарушать который строго запрещалось. Спать ложились в 10 часов вечера, а вставали в 4 часа утра. Днем каждый был занят каким-либо делом, а спать и даже приваливаться на нары, кроме больных, никому не разрешалось. Баня топилась еженедельно, а медицинский осмотр производился каждый день утром и вечером. Пища была разнообразная и хорошая, а в первое время зимовки нередко свежая дичь. Как средство предохранения от цинги, кроме взятых с собою, употреблялась растущая на Новой Земле в изобилии, так называемая, ложечная трава.

С наступлением зимы были поставлены ловушки (кулемы) для ловли песцов, верст на 10 в обе стороны от избы, и установлены обязательные прогулки для всей команды. В половине ноября озерко, где брали воду, промерзло до дна, почему теперь приходилось доставать ее в другом, верстах в 5 от избы, а когда и это промерзло, то воду топили из снега. Дрова же с большим трудом собирали в расстоянии до 15 верст. Морозы редко бывали более 30°, но за то бешеной силы вьюги, и особенно в феврале месяце, причиняли много неприятностей и хлопот по уборке снега. Избу заносило до крыши, даже сени, как их ни старались укрыть плотнее, забивало снегом. В такие погоды прогулки понятно отменялись, но чтоб моцион все-ж таки был, Пах-

тусов приказал повесить в помещении команды двух-пудовую балластину на блоках, которую перед обедом и ужином каждый должен был поднять несколько раз. Это исполнялось всеми с охотою, и даже игра в шашки шла на подъем этой балластины. Такая же была подвешена и в помещении Пахтусова еще с начала зимы, при чем в ловкости и числе раз подъема ее с ним никто не мог сравняться.

Больше всего причиняла неприятностей и страданий зимовщикам сильная сырость в избе. С потолка и стен постоянно текло, они покрывались плесенью, а в пазах виднелись грибы. Одежда почти всегда была сырая и в конце концов настолько испрела, что при починке не держала нитки; обувь из-за этого же переменяли два раза в день. Всевозможные меры, употреблявшиеся для уничтожения сырости, не достигали цели—она нисколько не уменьшалась. Главною причиною сырости избы был сырой лес, из которого она была построена.

Первая половина прошла для участников экспедиции благополучно, хотя первые заболевания цингой были обнаружены рано, 10 ноября, но, при употреблении противоцинготных средств, больные скоро выздоровели. С приближением весны цинга появилась снова, в феврале месяце было уже 6 человек больных. По мере знания и опыта, Пахтусов и фельдшер Чупов боролись с цингою и она не взяла ни одной жертвы, но другие болезни все же унесли в могилу двух человек; первым умер 29 апреля матрос Андрей Самсонов, страдавший нервною горячкою, и вторым 18 мая Максим Постников от водянки.

С начала марта солнце стало заметно пригревать, а в половине месяца уже можно было приступить и к описным работам. Этого времени уже давно и с нетерпением ожидал Пахтусов.

Начав 18 марта опись западного устья Маточкина Шара, они закончили ее к 25 числу.

В начале апреля было решено начать опись к востоку от зимовья и вести ее одновременно двумя партиями, одной из 6 человек итти к северу от Маточкина Шара по восточному берегу, а другой из 7 человек заняться описью южного берега Шара и астрономически связать его устья. Пахтусов желал взять на себя первую задачу, но болезнь и слабость глаз, а также и просьбы Цывольки, убедили его уступить своему помощнику труднейшую работу. 5 апреля оба отряда прибыли к мысу Дровяному, и оста-

новились в Розмысловой губе. Определив здесь широту места и отпраздновав день Пасхи, они прошли вместе до мыса Бык, где расстались.

Пахтусов повел по льду геодезическую опись Маточкина Шара к западу и, окончив ее, к 13 апреля возвратился в зимовье. Ширина Новой Земли в этом месте, между мысами Столбовым и Выходным, по его определению была найдена в 47 миль; составленная же им карта пролива вообще оказалась согласною с описью Розмыслова. Окончив эту работу, он хотел было вести опись по западному берегу к югу от пролива, но сначала продолжительные мятели, а потом сильные оттепели воспрепятствовали этому намерению. Оставшись в зимовье, в ожидании лучших условий, он принялся за постройку карбаса в $18^1/_2$ фут. длиною, $6^1/_2$ шириною и $2^1/_2$ глубиною; чертеж его он составил еще зимою.

Между тем Цыволько, перейдя по льду 8 апреля через Маточкин Шар от мыса Бык к мысу Выходному, пошел отсюда по торосистому льду восточным берегом к северо-востоку. Встретив на пути несколько небольших заливов, он пересек их поперек, не углубляясь внутрь их, так как хотел пройти как можно дальше к северу и описать этот, доселе неизвестный, берег на возможно большем его протяжении. На своем пути он встречал в довольно большом количестве плавничный лес, при чем заметил, что последний, преимущественно, находился на северных берегах, выдающихся к востоку мысов.

Точно также и Пахтусов в 1833 г., при описи восточного берега, южнее Маточкина Шара, находил плавничный лес всегда на побережьях, обращенных к северу. Присутствие его, главным образом, в таких местах, служит доказательством существующего течения вдоль восточного Новоземельского берега с севера на юг.

Достигнув к 24 апреля полуострова Фон-Флотта, в 150 верстах к северу от восточного устья Маточкина Шара, Цыволько вынужден был прекратить дальнейшую опись, так как начавшееся таяние снегов сильно препятствовало движению, да и провизии оставалось лишь на обратный путь.

Поставив здесь с командою в память их пребывания крест с надписью, кем и когда он поставлен, партия выступила в обратный путь, и 30 апреля достигла мыса Дровяного, где отдохнув три дня, продолжала путь далее к зимовью, куда и прибыла 6 Мая.

Эта пешеходная экскурсия Цывольки была в высшей степени затруднительна, так как все время приходилось двигаться или по торосистому льду или по глубокому снегу, через горы и ледники, почти при постоянных крепких ветрах, с сильными мятелями, а иногда еще и при 18°-морозах. Провизию и инструменты они тащили на легких санках: средняя скорость движения отряда в сутки была 12 верст.

Дав отдых возвратившейся партии, Пахтусов начал готовиться к летним работам, вооружая и ремонтируя шхуну и карбас. Постройка начатой им в мае месяце шлюпки, в июне была уже закончена; но до 29 числа устье Маточкина Шара оставалось затерто льдом и выйти в море было нельзя. Погода была уже настолько теплая, что южные склоны гор покрылись легким зеленоватым ковром полярных растений. Пробудившаяся от долгого зимнего сна природа оживила и членов экспедиции, придав им бодрости и силы, а 21 июня они были приятно удивлены и обрадованы посещением их зимовья промышленником Ереминым и с ним еще двумя из Сумского посада, пришедшими на Новую Землю для промыслов. Он остановился со своею ладьею в реке Маточке и видя, что весь пролив еще затерт льдами, пришел сюда берегом проведать Пахтусова, зная о его зимовке на Новой Земле. Впоследствии он и с ним его компаньон Челузгин оказали Пахтусову большую услугу.

29 июня свежим юго-восточным ветром устье Маточкина Шара очистилось ото льда, и море по всему видимому горизонту было также свободно от него. Не теряя времени, на другой же день, оставя в зимовье фельдшера Чупова с двумя больными и одним здоровым, Пахтусов с Цывольку и с 9-ю человеками команды вышел на карбасе «Казаков» в океан, захватив с собою провизии на $3^1/_2$ месяца. Он был намерен описать западный берег до северной оконечности Новой Земли и обогнув ее на восток, спуститься вдоль восточного берега к Маточкину Шару.

Дойдя до острова Митюшева, карбас принужден был из-за противного ветра встать на якорь, укрывшись за островом. Сюда же 2 июля пришли на ладье Еремин и Челузгин.

Осматривая губу Серебрянку, Пахтусов нашел на берегах ее разбросанные морем обломки погибшей шхуны «Енисей», опознав их по краске каютных переборок, бимсов и скреплению форштевня. Вместо руля была найдена потесь, почему Пахтусов заключил, что прежде совершенной гибели шхуны, она потеряла

руль, взамен которого лейтенант Кротов и сделал это большое весло. Он полагал также, что шхуна погибла в этой губе, которую Кротов мог принять за устье Шара, на который с моря она так похожа, но когда Кротов, войдя в губу, увидел свою ошибку, то было уже поздно. Не будучи в состоянии вылавировать отсюда, или вследствии того, что не держали якоря, шхуна была брошена сильным волнением на прибрежные рифы или отдельные камни, имеющиеся в губе во многих местах, и разбита. Ни трупов ни платья нигде не было найдено.

Вечером 2 июля, получив попутный ветер, карбас и ладья промышленников совместно пошли к северу, но на параллели губы Митюшихи, во время тумана, разлучились, и хотя последний в скором же времени рассеялся, но они уже ни видели друг друга; 5 июля Пахтусов прошел Сухой Нос, а 8 Июля с тихим северо-западным ветром миновал полуостров Адмиралтейства; здесь он встретил первые льды, 9 числа утром увидели острова Вилькельма и Берха, при чем пролив между ними был закрыт льдом, а с запада верстах в двух показались ледяные поля. Поэтому Пахтусов, чтобы укрыться от них, пошел к западному берегу острова Берха, где встал за стамухою по западную сторону северного мыса острова. Но через несколько часов подошедшие льды сорвали карбас с якорей, после чего он укрылся было снова за одну большую льдину, но ненадолго; лед обошел и ее, напирая на карбас со всех сторон. Ветер был тихий, юго-восточный. Когда карбас выжало из последнего убежища, его понесло к прибрежному льду, прижав к которому, лед начал напирать на него все сильнее и сильнее. В конце концов карбас не выдержал этого напора и треснул вдоль; вода полилась в него от обоих штевней.

Видя неизбежную гибель судна, Пахтусов еще заранее приготовился к спасению имущества экспедиции и, когда около полудня (через полчаса, как показалась течь) карбас наполнился водою до палубы, карты, журналы и инструменты экспедиции были уже спасены, успели выбросить на лед также ружья и порох, но из провизии успели спасти лишь мешок муки и самое малое количество сухарей, вся же остальная погибла. В тоже время ветер, перешедший на юго-запад, начал усиливаться, лед пришел в движение и вместе с карбасом стал отходить от берега к западу и северо-западу. Как только это было замечено, немедленно-же было погружено на лодки все спасенное имущество, и

их потащили по льду к берегу, отстоявшему приблизительно с версту, при чем между последним и льдом была довольно широкая полынья. С большим трудом к 6 часам вечера достигли берега. «Мы же, пишет Пахтусов, до крайности перемокли и устали. Разведя огонь и устроя палатки из спасенных парусов, мы обратились опять к перетаскиванию оставленной на прибрежном льду провизии и бочки со смолою. Последняя нам была нужна для исправления лодок, потерпевших от перетаски по ледяным торосам; но льдина, на которой все это стояло, уже ушла в море. Таким образом мы лишились значительной части наших вещей. К ночи ветер окрепчал, но мы провели эту ночь покойно в палатках. К утру видели, что весь западный берег острова очистился, но от юго-запада несло большие ледяные поля. К полудню ветер утих».

Теперь первою заботою Пахтусова было исправить две имевшихся небольшие шлюпки, чтобы на них предпринять обратный путь в Маточкин Шар.

До 15 Июля стояли южные ветры, погода была пасмурная, сырая, но довольно теплая, термометр ниже $^1/_2{}^\circ$ не опускался. В продолжении всего времени лед несло к югу. С 15-го числа подул крепкий северный ветер, придвинув льды к берегу. Это был многолетний лед, темно-лазоревого цвета: некоторые стамухи были высотою до 7 сажен. На полях же были видны большие стада моржей.

Шлюпки были уже изготовлены; за недостатком сухарей, из спасенной муки напечены пресные лепешки, короче говоря, все было готово для плавания, но состояние погоды не позволяло пуститься в путь. В свободное время был внимательно осмотрен окрестный берег и острова, но на них ничего не было найдено, кроме двух крайне ветхих промышленнических карбасов и многих могил. По всему видно было, что эти негостеприимные берега стоили жизни многим русским промышленникам.

По этим печальным признакам предполагают, что окрестности Горбовых островов есть именно как раз то место, которое называлось в старину губою Охальной, и где в половине XVIII столетия погибло много промышленнических людей.

В томительном ожидании, когда можно будет предпринять обратный путь, прошло 10 дней, и неизвестно, чем бы кончилась судьба отважных путешественников, если бы к ним не подошла неожиданная, случайная помощь.

Дело в том, что известные нам промышленники Еремин и Челузгин также находились со своим судном около Панкратьевских островов, подойдя к ним 19 июля, не зная ни о присутствии здесь Пахтусова, ни о постигшей его аварии. Они довольно далеко держались от берега, не входя в густой лед, и были заняты промыслом зверя, делая разъезды на маленьких шлюпках. В одну из таких поездок Еремин, осматривая в зрительную трубу льды, совершенно случайно заметил на берегу лагерь Пахтусова и, естественно, интересуясь узнать, что за людей он видит, пошел туда, где и узнал о постигшем Пахтусова несчастьи. В скором времени сюда же подошел еще и другой промышленник—Иван Гвоздарев.

Пахтусов просил Еремина доставить его с командою и имуществом к зимовью, на что последний, видя их бедственное положение, радушно изъявил готовность, и в тот же день перевез их к себе на судно, при чем несколько человек взял к себе на ладью и Гвоздарев. К ночи 22-го числа обе ладьи пошли на северо-восток и вскоре же встали на якорь в закрытой от всех ветров губе, которую Пахтусов назвал, по имени своего избавителя, губою Еремина.

До 1 Августа беспрерывно стояли противные ветры, не позволяя плыть к югу. За это время промышленники занимались промыслом моржей, а Пахтусов и Цыволько описывали на своих шлюпках близлежащие берега.

Вечером 1-го Августа, получив попутный ветер, Челузгин, забрав к себе часть команды Пахтусова с ладьи Гвоздарева, пошел, к югу и миновав полуостров Адмиралтейства, зашел в залив Сульменева. По описи берегов его пошли дальше, и 9 августа вошли в Маточкин Шар. Оставленных в зимовье больных, благодаря уходу и заботливости о них фельдшера Чупова, Пахтусов нашел совершенно здоровыми.

Здесь он узнал от бывших промышленников, что восточное устье Шара очистилось ото льда, а равно свободно от него и Карское море. Несмотря на неудачу, постигшую его в попытке пройти к мысу Желания с запада, и не взирая на нездоровье, которое он получил простудившись при гибели карбаса, неутомимый и отважный Пахтусов стал готовиться к новому предприятию, решив попытаться достигнуть северной оконечности Новой Земли через Маточкин Шар вдоль восточнаго берега и осмотреть последний, сколько возможно, до исхода августа. Изго-

товив для этой цели карбас, взятый с ладьи Еремина, он, с пятью человеками команды и фельдшером Чуповым, уже 12 августа снова выступил в путь, Цывольке же приказал погрузить часть имущества экспедиции на ладью Еремина и с пятью человеками команды отправиться на ней-же в Архангельск, не дожидаясь его, а шхуну оставил в зимовье до своего возвращения, под надзором двух человек.

15 Августа Пахтусов подошел к мысу Дровяному, далее котораго устье пролива оказалось забито льдом. С большими трудностями он настойчиво пробирался вперед и наконец вышел в Карское море. Отсюда, следуя нешироким каналом между берегом и льдом, он пошел к северу, описывая на пути те заливы, которые совсем или не вполне были осмотрены Цыволькою. Погода была холодная и ненастная. Неоднократно он должен был укрываться от напора льдов, то за стамухи, то за мыски или в заводи. Несмотря на препятствия, он упорно продолжал двигаться к северу, и к 23 августа достиг островов, лежащих под широтою 74°24', впоследствии названных, в честь отважного исследователя, островами Пахтусова. Итти далее к северу было уже невозможно,—лед был плотно прижат к берегу. Определив отсюда еще несколько островов и отличительных мысов, виденных им на северо-восток,—дальнейший из них, высокий мыс, приблизительно в 35-милях от северного острова Пахтусова, он назвал «Дальним». Как не трудно было плавание и мал срок, он все-же успел сделать многое, продолжив опись Цывольки еще на 35 верст к северу.

С грустью повернул отсюда Пахтусов обратно. Боясь быть зажатым льдом, он спешил теперь, как можно скорее, достигнуть Маточкина Шара, куда и прибыл 28 августа, а 1 сентября уже был в зимовье, где застал еще и Цывольку и промышленников.

К 3-му сентября были закончены приготовления шкуны к плаванию, а 7-го числа Пахтусов вышел на ней в океан, направясь к югу. Цывольку же и с ним четыре человека команды экспедиции отправились на ладье Еремина, который шел прямо в Сумский посад.

7-го октября, после путешествия, продолжавшегося 440 дней, Пахтусов благополучно прибыл в Соломбалу, а вскоре за ним из Сумы берегом и Цыволька с командою.

Немедленно же по возвращении в Архангельск Пахтусов принялся за составление отчета о действиях и работах экспедиции,

составление карт и приведение в порядок журналов и записок, но организм, подточенный непомерными трудами и лишениями в продолжении двух экспедиций, изнуряемый простудною лихорадкою, полученною им еще во время гибели карбаса, не выдержал, и Пахтусов слег, опасно заболев. Несмотря на все принятые меры, болезнь быстро развивалась, перейдя в нервную горячку, которой больной не вынес, и 7 ноября в 6 часов вечера славный Пахтусов скончался.

Потеря Пахтусова вполне достойна сожаления; его опытность и личные качества заставляют верить, что за время третьей экспедиции опись Новой Земли была бы уже тогда закончена.

Хотя главная цель обоих экспедиций Пахтусова—описать восточный берег Новой Земли—и не была выполнена полностью, тем не менее обе они по своим результатам принадлежат к самым обильным. В первую из них он описал южный и восточный берег южного острова Новой Земли, а вторую—восточный берег к северу от Маточкина Шара до широты $74^1/_2^\circ$, Маточкин Шар и несколько губ и заливов по западному берегу. К этому необходимо прибавить астрономические определения многих пунктов, наблюдения над приливами, наблюдения метеорологические и магнитные.

К практическим последствиям экспедиций Пахтусова необходимо отнести и то, что они возбудили интерес к заглохшему морскому промыслу у Новой Земли, куда по следам его Беломорские мореходы стали совершать свои плавания много смелее и увереннее. Так летом 1831 года здесь было только одно русское промышленническое судно, а в 1835 году Новую Землю посетило уже 118 судов. Многие кормщики их, как например Гвоздарев, Еремин, Баймаков и Исаков заходили при этом далеко на север, особенно последний, верст на сто далее Панкратьевых островов, откуда он видел, что далее «земля круто поворачивается на обедник (юго-восток), а к востоку оттуда видны мелкие острова», следовательно Исаков проходил далее мыса Нассау, крайнего пункта, достигнутого Литке. Мелкие острова, виденные им к востоку, без сомнения есть те самые, которые лежат в заливе между мысами Нассау и М. Ледяным, и которые в настоящее время имеют двойное название, данное им норвежскими промышленниками и русскими—первые назвали их Гольфстремскими островами, а последние Исаковыми, в честь упомянутого смелого кормщика.

Цыволька.

Первая экспедиция 1837 года.

До сих пор Новая Земля была обследована лишь в промышленном и географическом отношениях. До сих пор еще ни один естествоиспытатель не проникал в тайны этого полярного острова. В этом отношении Новая Земля, как за несколько лет до этого в морском, была в полном смысле слова также «неизвестной землей», если не считать естественно-исторического описания некоторой части ее, составленного Розмысловым.

За разрешение задачи, что представляет из себя Новая Земля в отношении геологическом, а равно с целью ознакомления с ее растительным миром и миром животных, взял на себя известный русский ученый академик Бэр, представив в Академию Наук свой проэкт естественно-исторического исследования этого острова, предлагая лично встать во главе экспедиции.

Академия Наук, согласившись с проэктом, сразу же приступила к делу снаряжения экспедиции, поручив руководство ею инициатору ее, назначив в помощь ему молодого естествоиспытателя Лемана, геолога Редер и лаборанта Филиппова, в качестве препаратора.

Командиром судна экспедиции был назначен уже известный нам Цыволька, которому Гидрографическим Департаментом поручались некоторые описные работы. Он прибыл из Петрограда в Архангельск 24 апреля, а Бэр и прочие участники экспедиции 6 июня.

В распоряжение экспедиции была назначена шхуна «Кротов». Внутреннее устройство ее было несколько изменено, применительно к условиям плавания и принимая во внимание опыт прежних плаваний. В помощь шхуне, небольшой по своим размерам, была нанята частная ладья «Св. Алексей», под управлением Сумского кормщика Афанасия Еремина, с помощником Иваном Челузгиным, знакомым нам.

Снаряжение шхуны и ладьи было закончено в начале июня, но противные ветры задержали выход ее в море, и лишь 20 числа они оставили Архангельск.

Встреченные в море сначала туманом, а потом неблагоприятным ветром, и укрываясь от них на пути за мысом Кереть

и в становищах Чапоме и Сосновке, к 9 июля достигли Трех островов. Здесь они встретили одного промышленника с двумя лопарями Лумбовского погоста. Он возвращался с Новой Земли, где зимовал с 23-мя товарищами, которые все до одного умерли там от цынги. Оставшись один, он пустился на карбасе в обратный путь и через 6 дней достиг Лумбовских островов, где нанял в помощь двух лопарей.

Утром 21 июля шхуна и ладья вышли из Трех островов при свежем западном ветре и через 5 дней увидели Гусиную Землю, а утром 18 миновали Бритвин Нос. Дувший до сего времени сначала западный, а потом южный ветер перешел на юго-восточный с сильными шквалами. Около полудня 18-го прошли губу Грибовую, где видели две ладьи, стоявшие на якоре, а вечером заштилев сами остановились около Панкратьевых луд. Получив 19 числа снова попутный ветер, они продолжали путь далее и в тот же день вошли в Маточкин Шар, встав на якорь против устья р. Чиракиной. Но так как место для стоянки оказалось неудобным, то на следующий день перешли на другое место, в заводи за коргами у Баранього мыса.

Здесь экспедиция разделилась на две партии, делавших разъезды в разные части острова. В течение недели были исследованы оба берега западного устья Маточкина Шара в геологическом, ботаническом и зоологическом отношениях и Леман и Редер совершил поездку в губу Серебрянку, а Бэр и Цыволька в реку Маточку, для осмотра ее окрестностей и мыса Столбового, где Бэр занимался исследованием различных морских животных. В то время как ученые были заняты своими работами, Еремин и Челузгин отправили на промысел своих промышленников на острова по западному берегу, где, задержанные неблагоприятными ветрами три недели, они тем самым задержали на месте и Бэра, уже давно закончившого здесь свои изыскания. Последний уже давно собирался выйти на восток по Маточкину Шару, но лишь не раньше конца июля пролив освободился ото льда. 30 числа, снявшись с якоря, карбас пошел к востоку, но около средины пролива встретили лед. С большим трудом перебравшись через него с карбасом, они к полуночи 31-го достигли восточного устья шара. Следующий день 1 августа, при свежем ветре с дождем, при температуре $4^1/_2^\circ$, они провели без всякого приюта. На следующий день ветер утих, и естествоиспытатели предприняли обратный путь. Зайдя в губу Белужью, они «видели одну из трех изб, в ко-

торых Розмыслов в 1767 году зимовал», при чем «чтобы согреться, высушиться и приготовить горячую пищу должны мы были употребить часть достопочтенных остатков этих на дрова», как сообщает Бэр в своем отчете.

Закончив работы к 21 августа, экспедиция до 31-го числа не могла выйти в океан,—все время стоял противный ветер. Снявшись в этот день с якоря, шкуна и ладья начали обратное плавание в Архангельск. 6 сентября они увидели Мурманский берег, немного южнее Семи островов, откуда с ровным западным ветром, 10-го числа подошли к Березовому бару, а 11-го вошли на Соломбальский рейд.

Гидрографические работы Цыволька за это плавание были незначительны. Он доставил лишь обстоятельные описания посещенных им на шхуне некоторых якорных мест, глазомерные планы их и произвел магнитные наблюдения в Белужьей губе.

В прямом же своем назначении экспедиция достигла значительных результатов, тем более принимая во внимание короткий срок пребывания ее на Новой Земле. Было собрано до 90 видов растений и до 70 видов беспозвоночных, а в местах пребывания экспедиции, было подробно исследовано геологическое строение острова. Присутствием найденных в горных породах самых древних ископаемых было доказано, что Новая Земля сформировалась в отдаленнейшие от нас силлурийскую и девонскую эпохи.

Вторая экспедиция 1838—1839 г.г. Цыволька и Моисеев.

Представленные Цыволькою в Гидрографический Департамент работы были рассмотрены последним и одобрены.

Правительство, считая необходимым и полезным закончить опись Новой Земли, решило еще раз послать сюда для этой цели экспедицию, а участившиеся, со времени путешествий к Новой Земле Литке и Пахтусова, плавания к ней русских промышленников еще более побуждало его к этому.

Руководство экспедициею было поручено сподвижнику Пахтусова прапорщику Цывольке.

Инструкцией, данной ему относительно работ у Новой Земли, предписывалось—осмотреть и описать северный и северо-восточный берег ее и подробно обследовать заливы по западному берегу, главным образом губы: Горбовую, Черную, Костин Шар, залив

Моллера со всеми его становищами, Грибовую, Мелкую, Крестовую, Сульменевы, Машигину и остров Вильгельма с прилежащею группою.

Попутно при этом экспедиции ставилось задачей, с начала навигации до июля месяца, заняться отысканием мелей, предполагаемых в 30 верстах к северу от острова Нокуева, к северу же в 30 верстах от Канина Носа и к западу от острова Колгуева. Но исполнение этих работ, однако, не ставилось экспедиции в непременную обязанность. Инструкция заканчивалась предложением ни в коем случае не оставаться на Новой Земле для вторичной зимовки.

В начале февраля месяца Цыволька и с ним его помощники, прапорщик Моисеев и кондукторы Рогачев и Кернер, прибыли из Петрограда в Архангельск.

В это время в Архангельске специально для экспедиции строилось две новых шхуны: «Новая Земля» и «Шпицберген», имевшие одинаковые размеры, а именно: 39 фут. длины, 11 фут. ширины, при глубине трюма $4^1/_4$ фута, и обе одинаковые по внутреннему устройству. К 21 мая постройка их была окончена, и они спущены на воду. Командование шкуной «Новая Земля» с экипажем 15 человек, Цыволька взял на себя, а Моисеева назначил командиром шхуны «Шпицберген»; экипаж последней состоял из 14 человек. Часть экипажа той и другой составляли матросы военнаго флота, остальные же были набраны из промышленников.

Так как для зимовки должны были быть перевезены на Новую Землю срубы для двух изб и бани, а на шкуны они не помещались, то в помощь последним была нанята частная ладья «Св. Алексей», грузоподъемностью до 7.000 пудов. Управление ею было поручено Сумскому кормщику Ивану Гвоздареву. Он обязывался доставить срубы и часть провизии в Мелкую губу, которая была заранее выбрана местом зимовки.

Экспедиция была снабжена всем необходимым на 16 месяцев, а для облегчения переходов при производстве описи по берегу было взято 15 собак.

В июне месяце все приготовления к плаванию были закончены и 15 июня 1838 года, в час дня, обе шхуны и ладья снялись с якоря с Соломбальского рейда, но, отойдя верст 30, должны были остановиться, встретив противный ветер и простояли до 27 числа, когда снова начали плавание, и в тот же день вышли за бар. В море суда экспедиции скоро разлучились между собою.

Моисеев на «Шпицбергене» пошел с Березового бара совместно с Гвоздаревым, который на своей ладье, имевшей лучший ход чем шхуна, скоро ушел от него вперед и скрылся из виду, и Моисеев вновь свиделся с ним у Трех островов, где Гвоздарев поджидал его. Отсюда они вместе шли до Лумбовских островов, где их снова разлучил сильный северо-западный ветер. Гвоздарев ушел в Лумбовские острова, а Моисеев укрылся в какой-то бухточке недалеко от мыса Городецкого. Сойдясь вновь при дальнейшем плавании на параллели Лумбовских островов, они вместе вышли в океан и 5 июля опять разошлись. Боясь быть прижатым к неизвестным ему берегам Новой Земли, в случае крепких западных ветров, Моисеев взяв курс от Лумбовских островов прямо на север и шел им до 9 июля, когда начал постепенно склоняться к северо-востоку, а 14 числа, будучи на параллели Мелкой губы, пошел на восток. 15 июля он встретил первый лед, заставивший его несколько уклониться к юго-востоку, и, лавируя полыньями, 17 числа он вышел на вид Маточкина Шара, повернув отсюда на север вдоль берега, но начавшийся сильный северо-западный ветер, заставил его спуститься обратно к Маточкину Шару, и здесь в тот-же день он встал на якорь в губе Чиракиной. Тут он посетил бывшее зимовье Пахтусова и видел также огород, разведенный здесь в прошлом году академиком Бером. Моисеев пишет в своем дневнике, что он нашел его в жалком состоянии—«хрен завялый и полусгнивший валялся на поверхности гряд, которые свидетельствовали о труде, употребленном на их устройство».

22 июля с попутным ветром он вышел в океан, а 23 вошел в Мелкую губу, встав поблизости ладьи Гвоздарева, прибывшего сюда уже десять дней тому назад и, в ожидании Цывольки или Моисеева, занимавшегося охотой.

Выбрав место для постройки становых изб, Моисеев 25 июля приступил к разгрузке ладьи и, несмотря на дурную погоду, продолжал работу безпрерывно, 31 числа окончил ее. 1 августа ладья Гвоздарева вышла в Маточкин Шар, а оттуда далее в Архангельск, куда Гвоздарев благополучно прибыл 2 сентября.

Моисеев же немедленно приступил к постройке изб и бани, и к 8 августа они уже были покрыты крышами. После этого, чтобы не терять времени, удобного для производства описи, он стал готовить шхуну к плаванию, но 9 августа прибыл Цыволька, и отход шхуны был пока отложен.

Цыволька, выйдя за бар и встреченный штилями, тихо подвигался вперед. 2 июля, когда он находился на параллели мыса Городецкого, поднявшийся крепкий северо-западный ветер, вскоре усилившийся до степени шторма, заставил повернуть его обратно и укрыться в Трех островах.

В краткой выписке из дневника Цывольки, есть одно место, где он жалуется на плохие морские качества их судов, говоря, что «при первом же крепком ветре увидели мы дурные качества наших судов, худой ход бейдевинд, около двух узлов; дрейф величайший и валкость, сверх того, приводили нас много раз в самое затруднительное и опасное положение; купеческие суда, ладьи и даже лодки обходили нас, как будто стоящих на якоре, несмотря, что подняты все паруса и, даже сделаны из брезентов и клетневой парусины лисели».

Поэтому будет понятно, как трудно и даже невозможно было бороться Цывольке со штормом.

Со дня шторма 2 июля начались мытарства, преследовавшие шхуну «Новая Земля». во все время ее плавания до Мелкой губы. Они стоят того, чтобы описать их, дабы можно было представить себе насколько тяжело было это плавание.

Выйдя из Трех островов 5 июля, с попутным юго-восточным ветром к полудню 6 числа он достиг Святого Носа, намереваясь итти к острову Нокуеву для отыскания предполагавшейся там банки, но ветер, перешедший к северо-западу и задувший с большею силой, заставил опуститься его к Канину Носу, который он увидел вечером 8 августа в 8 милях на восток.

Однако в скором времени шторм стих. Его заменил продолжительный штиль, сменяемый иногда легким ветром от разных румбов. Такое состояние погоды продолжалось до 17 числа, когда задувший от запада ветер, донес шхуну к 18-му до параллели мыса Бритвина на Новой Земле. Отсюда, до Мелкой губы оставалось всего лишь около 90 миль (157 верст), но в этот же день начавшийся северный ветер с сильными шквалами заставил Цывольку повернуть обратно. Он пробовал лавировать — «но, как пишет в дневнике, судно стало заливать; один вал поддал столько воды, что (оно) не стало более подыматься; фальшборты прорубленные едва успевали спускать воду с палубы; видя невозможность держаться, спустились на S, прямо по ветру, в намерении итти к Колгуеву; положение наше было немногим лучше. 19-го к полудню ветер перешел на NW и стал стихать; мы легли к Новой

Земле на NNO; к полуночи стало (опять) столь свежо, что принуждены (были) спустить стеньги на найтовы, а реи в ростры, чтобы держаться к ветру под подрифленными всеми рифами фокстакселем и гротом. Пополудни 20 числа сделался почти шторм; (мы) снова (были) принуждены спуститься по ветру на ONO и O, имея брифок аршина на два поднят. Волнение заливало нас со всех сторон, от помп не отходили. В 10 часов увидели южный Гуспный Нос на ONO; в полночь ветер перешел к NW, и, как волнение стало гораздо крупнее, но за то и правильнее, то после каждого шквала придерживались понемногу к NO; в исходе первого часа зашли в Костин Шар, а в начале второго часа утра июля 21 легли на якорь за островом Ярцовым, в закрытии от ветра. Запаслись водою и дровами. 22 числа вышли при свежем ветре от SO, но, пройдя остров Подрезов, он перешел к WNW с туманом и принудил нас итти обратно в Шар; в пасмурности нас нанесло на гребнеобразный камень у острова Подрезова, стало бить сильно; но, как тотчас выбросили за борт баласт, бочки с водою, пушки и прочее, бывшие на палубе то судно столько облегчило, что перекинуло его через камень; течь (была) незначительна. Отошед верст пять, по причине легкого тумана легли на даглист [1]). Пополудни 23 прояснилось, и мы стали держаться под парусами около средины устья Шара при маловетриях с разных сторон. К вечеру за штилем стали на вери, а к полуночи задул NW и заставил нас снова спуститься за остров Ярцов». Встретив здесь промышленников, возвращающихся в Архангельск, Цыволька послал с ними почту.

Простояв за Ярцовым несколько дней, пережидая шторм, он вышел из Костина Шара и 9 августа был уже в Мелкой губе.

Такой упорной борьбы и трудов стоил лишь один путь от Архангельска до места зимовки. Но еще большие опасности и испытания ожидали отважных исследователей впереди.

По прибытии в Мелкую губу, Цыволька немедленно же разгрузил свою шхуну и вытащил ее на берег на зимовку. Моиссев в это время производил заготовку дров и заканчивал постройку изб и бани.

Закончив работы к 16 августа, экспедиция поселилась в избах, при чем Цыволька с командой занял большую избу, а Моисеев, Рогачев и Кернер поместились в малой. Здесь были раз-

[1]) Левый якорь.

мещены инструменты, и им поручалось производство метеорологических наблюдений.

Становые избы экспедиции были просторны. Большая изба имела по длине 5 саж.; ширине $3^1/_2$ саж. и внутреннюю высоту 8 фут., с крутой крышей и с русской печью по средине. Вторая изба, длиною и шириною по $2^1/_2$ саж. при высоте 7 фут и также с русскою печкою в углу,—стояла рядом с первой в трех саженях. Пространство между ними, забранное частью досками, частью рангоутом со шкун и другими вещами, служило сенями, где помещались собаки, из которых по четыре, посменно, выпускались на свободу, дабы, в случае приближения медведей, они лаем давали знать о них. Стены внутри изб были выбелены.

Устроив зимовье, экспедиция приступила к работам по описи берегов.

Сам Цыволька, предполагал итти на карбасе вдоль берега, по западной стороне острова, и, обогнув Новую Землю с севера, спуститься по восточному к Маточкину Шару. Моисееву же приказал он пойти на шкуне в Крестовую губу и, оставя ее здесь в безопасном месте, пройти на шлюпке по предполагаемому здесь проливу на восточный берег острова и продолжать плавание вдоль его к северу до встречи с Цыволькою. Но если бы предполагаемый Крестовый пролив оказался покрытым льдом или даже несуществующим, то пройти на восточный берег пешком и, оставя там у приметного места возможно больше провизии, возвратиться в Крестовую губу и описать ее.

20 августа Цыволька, с командою в шесть человек, вышел на карбасе к северу, но, дойдя до мыса Прокофьева, был задержан здесь на два дня дурной погодой и, к тому же заболев, принужден был возвратиться обратно и прибыл в зимовье 24-го числа, застав еще здесь Моисеева.

Теперь Цыволька изменил инструкцию, данную ранее Моисееву, приказав ему на этот раз только описать Крестовую и возвратиться в зимовье.

27-го августа Моисеев вышел на шхуне в океан, но, в тумане и при снежной погоде пройдя мимо Крестовой Губы, 29-го числа вошел в северную Сульменеву губу и приступил к ее описи, а 8-го сентября, окончив ее, пошел к Крестовой, но подойдя к ней ночью, побоялся в нее войти, прошел дальше и 11-го сентября прибыл к зимовью.

Находя время для производства описных работ уже поздним, Цыволька распорядился о разоружении шкуны «Шпицберген» на зимовку; она была отведена в безопасное место, недалеко от становых изб.

20-го октября Мелкая губа покрылась льдом, а 4-го ноября наступила полярная ночь. Помимо повседневной работы, главным образом, заготовки дров, которых требовалось значительное количество, ввиду добывания воды из снега, команда занималась ловлею песцов и охотою на медведей, посещавших иногда их зимовье. Баня топилась еженедельно, при чем каждый раз перед нею производился осмотр всей команды фельдшером.

Чтобы избавиться от ежедневной сколки льда около шкуны «Шпицберген», она была вытащена на лед и поставлена на подпоры.

Первая половина зимы прошла для участников экспедиции благополучно, хотя уже в декабре месяце обнаружились первые признаки заболевания команды цынгою, и такое ранее появление ее тем более озабочивало Цывольку.

Сам же, еще с осени страдая какой-то грудною болезнью, уже около месяца не выходил из избы, но в феврале, почувствовав облегчение, стал делать маленькие прогулки, хотя все еще был очень слаб.

2-го февраля зимовщики были порадованы первым появлением солнца, показавшегося на короткое время из-за вершин южных гор. Появление его много придало им бодрости и воскресило надежды на скорое освобождение от суровой полярной зимы.

Еще задолго до наступления весны, цынга стала быстро распространяться среди зимовщиков. В начале февраля уже насчитывалось 13 человек трудно больных, а 2-го числа цынга унесла первую жертву—умер матрос Тараканов. Он—«с самого выхода из Архангельска был хвор»,—как значится в журнале экспедиции.

С начала марта месяца Цывольке становилось все хуже и хуже. Ни тщательный уход за больным, ни лекарства не помогали больному,—болезнь усиливалась с каждым днем. Зимовщики с грустью видели, как медленно угасала жизнь их отважного и энергичнаго начальника, не в силах будучи помочь и облегчить его страдания.

В конце концев болезнь закончила свое дело—16-го марта в 6 час. вечера Цывольк умер. В журнале экспедиции смерть его описывается следующим образом:—«Погода была отличная: ясное

небо, совершенная тишина, мороз 14°. В некоторых местах стали показываться на черной земле проталины снега. Все здоровые и большая часть хворых ходили гулять до 6 час. вечера. Мы возвращались уже домой, как прибежал к нам канонир, с известием, что Г. Цыволька встал с постели и ходит по избе. Это крайне удивило нас и порадовало надеждою на его выздоровление. Все поспешили в избу; но тут застали его уже при последнем вздохе, и он не успел нам сказать последнего «прости». Медик наш приписывает кончину Г. Цивольки грудной водяной болезни. На другой день похоронили мы своего начальника в гробу, в забое снега, под южным утесом, с должною почестию».

За начальником экспедиции вскоре последовали один за другим еще некоторые участники ее, страдавшие цынгой. За время со 2-го февраля по 7-е мая умерло 8 человек, а имена этих страдальцев точно также, как и имя их начальника, должны быть известны потомству. Все они похоронены рядом с Цыволькою. Вот их имена: Федор Тараканов, Андрей Михайлов, Василий Хабаров, Гавриил Воронов, Гавриил Гладкий, Анатолий Листов, Алексей Замятин и Мина Косковъ.

После смерти Цывольки начальствование над экспедициней принял на себя, как старший, Моисеев, назначив Рогачева командиром шкуны «Новая Земля».

С наступлением светлого времени было решено приступить к описным работам. Моисеев брал на себя ту часть ее, выполнить которую в прошлом году помешала Цывольке его болезнь, а Рогачеву поручил то, что тогда-же было возложено Цыволькою на него. Пока же, до наступления навигации, опись решено было начать берегом по льду. На восточный берег острова решено было отправиться с собаками, для чего было сделано пять очень легких саней.

3 апреля Моисеев и Рогачев, с 9 человеками команды и 5-ю собаками, вышли в Крестовую губу и на другой день были там. Здесь заболело у них три человека, и Моисеев, опасаясь дурных последствий, отправил их с Рогачевым обратно в зимовье, а сам намеревался пойти на восточный берег. 5 апреля они одновременно вышли из Крестовой губы. Рогачев на юг, а Моисеев на восток, но и последний вскоре же повернул к зимовью, т. к. у нескольких человек из его партии случилось сильное воспаление глаз. Вскоре заболел и Моисеев, и полуслепые они с трудом достигли зимовья 8-го числа.

Поправившись и понабравшись сил, он снова вышел к восточному берегу, поручив Рогачеву и Кернеру описать губы Мелкую и Крестовую. Но и на этот раз вскоре же начавшаяся болезнь команды и сильные оттепели, затруднявшие движение по снегу, принудили оба отряда вернуться к зимовью. В конце апреля месяца здоровых членов экспедиции насчитывалось лишь три человека.

В таких обстоятельствах были отложены пока все дальнейшие попытки к производству описи. Велись лишь работы по приготовлению судов к плаванию.

В конце мая таяние снегов пошло особенно быстро, а свежие ветры стали постепенно ломать в губе лед. В начале июня месяца земля уже настолько оттаяла, что Моисеев решил похоронить умерших зимою участников экспедиции, о чем пишет в журнале следующее: «16 июня воскресенье. В продолжении предшествующих десяти дней рыли мы в земле могилу, для умерших наших товарищей, лежавших по сию пору в забое снега. Работа эта была очень медленна и трудна. При всем старании не могли мы вырыть ямы глубже 3 фут.; так тверда была мерзлая глина. Раскладываемый на ней огонь пособлял мало. Кончив эту работу, переложили мы тела усопших в землю, помолились о них и зарыли. Крест укажет место их покоя и имена». Этот крест, благодаря особенным климатическим условиям, присущим лишь полярным местностям и особенно в больших широтах, хотя впоследствии и упал, но очень хорошо сохранился и, будучи поставлен вновь в 1909 г., до настоящаго времени, служит местом обязательного паломничества бывающих здесь промышленников и моряков.

На кресте сохранилась надпись следующего содержания:

«Здесь покоится прах Н. Э. К. Ф. Ш.
Прапорщик ЦЫВОЛЬКА окончил свою
жизнь Марта 16 дня 1839 года и еще
8-мь человек умерло во время зимовки
от цынготной болезни из служителей
крест поставлен К. Ф. Ш. прапорщиком
МОИСЕЕВЫМ».

Много хуже сохранились становые избы экспедиции, хотя еще и в наше время, в 1909 г., они были использованы для жилья промышленниками, оставшимися здесь на зимовку, при чем малая изба была перенесена ближе к берегу.

Насколько хорошо сохраняются на Дальнем Севере деревянные предметы, можно видеть из того случая, когда Моисеев, при устройстве зимовья, нашел недалеко от него крест с датой 1718 г.

23 июня обе шкуны были спущены на воду. При первой же возможности Моисеев решил пойти для описи к северу, а Рогачеву поручил опись Костина Шара. Инструкцией, данной на этот предмет Рогачеву, предписывалось не оставаться на Новой Земле далее 25 августа.

Оставив больных с Чуповым в зимовье, 5 июля Моиссев вышел на карбасе к северу, но около мыса Литке задувший сильный юго-восточный ветер выбросил карбас его на берег, при чем погибла часть провизии. Вернувшись в зимовье Моисеев 13-го числа, одновременно с Рогачевым, снова вышел на карбасе в океан и, дойдя с описью до Машигиной губы, включительно, пошел обратно в зимовье, куда прибыл 1 августа.

Изготовив шкуну к плаванию, 4 августа он вышел на ней к югу и, достигнув 7-го числа залива Моллера, в тот же день приступил к описи становищ, в нем находящихся, и, закончив ее к 25 августа, пошел в Архангельск. На пути он зашел в Лумбовские острова, укрываясь от шторма и, простояв здесь несколько дней, снова вышел в море, и 8 сентября уже был в Архангельске.

Рогачев же, войдя в Костин Шар 20 июля описал его, частью со шкуны, частью со шлюпки и, закончив работы 23 августа, в тот же день вышел в Архангельск.

Только что вступив в Белое море, миновав Канин Нос, 29-го числа его захватил крепкий восточный шторм. Он хотел было укрыться от него в Лумбовских островах, но так как это было поздно вечером, он, боясь входить в залив ночью, решил лечь в дрейф, надеясь удержаться около островов до утра. В полдень 31 августа, когда стало яснее, он увидел себя против Старцевой губы, к северу от Лумбовских островов. Видя, что места ему не удержать, а дрейф его к северу продолжается, он в тот же день вошел в Старцеву губу. На другой день сильным шквалом шкуна была сорвана с якорей и брошена через риф, в закрытый заливчик, где на малой воде осохла. Простояв здесь до 3-го числа, при штиле, во время прилива, Рогачев вытянулся со шхуной на свободную воду и начал тянуться из губы, чтобы вступить под паруса уже в море. Но засвежившийся в это время северо-западный ветер принудил его снова встать на якоря. Сильным ветром и волнением шхуну непрерывно дрейфовало к рифам, лежащим за кормою

саженях в 30. Чтобы спасти судно, оставалось одно средство— итти внутрь губы на обсушку. Но, при съемке с якорей, канаты лопнули, и шхуна, не успев сделать поворота, была брошена волнением сначала на прибрежные камни, а потом совсем на берег. При первых же ударах шкуна получила большие пробоины и была скоро залита водой, при чем только-только успели спасти инструменты, карты и журналы экспедиции.

На другой день Рогачев отправил кондуктора Кернера берегом в Лумбовский лопарский погост, чтобы нанять там ладью для перевозки их в Архангельск, но ладьи здесь не оказалось. Тогда один из лопарей был послан к Енисейским лопарям, откуда он вскоре же вернулся на раньшине [1]).

Сняв со шкуны все, что было можно, Рогачев вышел из Старцевой губы 15 сентября и, достигнув острова Сосновца, пересел здесь на ладью крестьянина Редькина, который шел в Архангельск, куда и прибыл 19 сентября.

Как ни неудачна экспедиция была, но все же сделанное ею доставило значительный материал для заполнения пробелов прежде произведенных описей.

Были описаны: залив Моллера со всеми находящимися в нем становищами, начиная от мыса Бритвина и почти до становища Гусиного, Костин Шар и губы: Мелкая, Крестовая, Северная, Сульменова и Машигина. Было установлено, что Крестового пролива не существует. Было астрономически определено несколько пунктов и при них магнитное склонение, наклонение и прикладные часы приливов. Метеорологические наблюдения производились за все время зимовки ежечасно.

С последней экспедицией Цыволько в деле исследования Новой Земли русскими наступил тридцатилетний перерыв.

Подводя краткий итог деятельности русских экспедиций с начала XIX столетия под начальством Литке, Пахтусова, Цыволька и Бэра надо признать, что, благодаря лишь их трудам, Новая Земля перестала быть «Неизвестной Землей», какою была до того времени.

Хотя начало ознакомлению с этим полярным островом и было положено западно-европейскими мореплавателями, но в деле подроб-

---

[1]) Особый тип поморского судна, теперь уже вышедшего из употребления.

ного исследования Новой Земли, как в гидрографическом, так и физикогеографическом отношениях принадлежит только русским морякам.

Картами Новой Земли, составленными на основании работ Литке, Пахтусова и Цывольки, пользуются и до настоящаго времени. Если они не совсем удовлетворяют своею полнотой сведений и точностью, то это потому лишь, что способы того времени и инструменты для производства описи были далеки по своему совершенству и точности от употребляемых ныне. Правда, карты их теперь во многом пополнены и исправлены работами позднейших мореплавателей, как русских, так и иностранных, но это больше касается западного берега, восточный же и до сих пор еще ждет новых Пахтусова и Цывольки.

В заключение должно сказать, что Литке, Пахтусову и Цывольке, стоящим первыми в ряде других исследователей Новой Земли, этого преддверия Карского моря, потомство должно быть также благодарно, как и предшественникам и последователям их. И если мы теперь так уверенно посылаем в Сибирь свои продовольственные экспедиции, то это мы можем делать благодаря также и их трудам.

П. И. Башмаков.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
Краткая биография Пахтусова	3
Предисловие	8
Краткий географический очерк	11
Краткий исторический очерк	20
Краткий исторический обзор первых путешествий	26
Исследования Новой Земли с XVIII столетия	39
Розмыслов	39
Поспелов	48
Лазарев	51
Литке	53
Пахтусов	67
Цыволька	96
Цыволька и Моисеев	98

Портнов Бахметьев

PRINCETON
THEOLOGICAL
SEMINARY
LIBRARY

Чертил Башмаков.